

Елена Вольская

Оплаченные счета

ПРОЛОГ

Наконец ее соседка угомонилась. Уголовница уснула и громко храпит. Этот булькающий храп сокамерницы не дает ей сосредоточиться и спокойно подумать. Подумать обо всем.

Сейчас глубокая ночь. Кира сидит на нарах уже вторые сутки и, как неопытная гадалка гадает, чем же закончится вся эта история. Но необходимо поспать, чтобы завтра мозги были свежими, и она смогла противостоять напору следователя. Кира с сожалением стянула с ног дорогие итальянские сапожки на тоненькой высокой шпильке и небрежно бросила их на грязный пол камеры, затем уперлась спиной в стену неопределенного цвета, плотнее закуталась в голубую норковую шубку и начала понемногу согреваться. Шубка, купленная ею когда-то в Греции, была легкой, почти невесомой, но такой теплой.

Кира прикрыла глаза, но сон не желал приходить к ней. Слишком много мыслей роилось в голове, а разыгравшееся воображение снова и снова

подбрасывало страшные картинки будущего. Вот она на очередном допросе, а вот — в зале суда, где строгий и принципиальный судья зачитывает приговор. Вот она в камере с женщинами, которые уже осуждены. Уголовницы пристают к ней, а она безропотно выслушивает их насмешки и издевательства. А ночью в душной камере она боится уснуть, потому что самая наглая бабища пригрозила ей тем, что этой ночью отымеет ее по полной программе.

Кира вздрогнула от омерзения и открыв глаза, уперлась взглядом в пустоту.

Да, сейчас она честно может признаться себе в том, что ей страшно, очень страшно. Да, она боится. Боится неизвестности. Страх все нарастает и нарастает. Кажется, что совсем скоро он заполнит собой всю камеру, и она умрет от удушья.

Дрожащей рукой Кира стянула у горла воротник шубки, и в который раз обвела взглядом камеру. Камера невероятно грязная. Заплеванный деревянный пол не убирался, наверное, с начала времен. Из разбитого окошка, забранного толстой решеткой, расположившегося почти у самого потолка, нестерпимо дует. Зима в этом году необычно суровая: морозная и вьюжная. Тусклый

свет лампочки, спрятанной в грязном плафоне, едва освещает место, где Кира не хотела бы оказаться даже в самом страшном сне.

Кира подтянула колени к груди и укутала полую шубки ноги. Теперь они не так стынут...

Арест был неожиданным. Как известно, все беды и неприятности сваливаются неожиданно. Она не была к этому готова, как не был готов и ее муж. Что теперь будет с ним и сыном? Когда ее забирали, в глазах сына она видела страх. Страх и непонимание того, что происходит. Незнакомые серьезные мужчины, переворачивающие в квартире все вверх дном, испугали не только сына, но и ее. Муж старался казаться спокойным, но и он понимал, что эта страшная ночь навсегда изменит их жизнь.

Что будет с мамой? Она часто болеет в последнее время. Кто позаботится о ней? Что будут говорить соседи? Робко приоткрыв двери своих квартир, они наблюдали, как ее выводят из квартиры в наручниках. Люди с жалостью взирали на Костю, который обхватив колени отца, смотрел ей вслед глазами полными ужаса и слез. Почему-то в тот момент она обратила внимание на лицо мужа. Оно было хмурым, осунувшимся и очень бледным.

О чем он думал тогда? О чем сожалел и чего боялся?

Уголовница захрапела еще сильнее.

Эту женщину специально посадили к ней. Это ясно как божий день. Эта неприятная особа захлеб рассказывала Кире о своей жизни. Кира понимала, что в словах этой тетки с одутловатым лицом нет ни капли правды. Женщина говорила, что ни в чем не виновата и никакого преступления не совершала. Она представилась Аней. Может, она и не Аня вовсе? Потом Аня начала расспрашивать и ее. Почему она здесь, кто ее муж и есть ли у нее дети. И сколько стоит ее шикарная шубка и где Кира покупала ее. Кира отвечала неохотно и односложно, но, чтобы хоть как-то отвлечься от своих грустных мыслей, поинтересовалась у Ани, сколько ей лет. Та ответила, что тридцать два. Но Кира дала бы сокамернице все сорок пять. У тетки было неприятно, испитое и осунувшееся лицо с синяками под глазами, и неухоженные руки с грязью под ногтями, словно она только что вылезла из помойки. Да и откуда будут руки ухоженными здесь, в тюрьме? А еще, с тоской в голосе и со слезами на глазах, Аня рассказала и о своих детях, которых сейчас воспитывает бабушка. Мужа как оказалось, у Ани нет, и никогда не было. А вот дети

есть. Двое, девочка и мальчик. После своей исповеди сокамерница тяжело вздохнула и замолчала. Но Кира почему-то не поверила ни ее рассказу, ни ее слезам. Было в поведении сокамерницы что-то фальшивое, неискреннее. Ну, да бог с ней, с этой Аней. У каждой своей беды и проблемы.

Жутко и страшно. Хорошо, что папа не дожид до этого дня. Хотя, если бы отец был сейчас жив, ей не было бы так страшно. Отец помог бы, выручил из беды.

— Аня, повернись на другой бок, — Кира, исчерпав все свое терпение, выбралась из приятного тепла и босиком прошлепала к уголовнице. Сокатерница храпела как иерихонская труба. Кира брезгливо потрясла Аню за плечо.

— Что? Что такое? Чего тебе надо? Отвали, — сквозь сон пробормотала тетка, перевернулась на другой бок и успокоилась. Храп прекратился.

Ну вот, теперь она может спокойно подумать. В тишине.

Скоро утро. Каким оно будет? Она не спит уже вторую ночь. Кира мысленно представила, как

она сейчас выглядит: бледная, со включенными волосами и с размазанной по щекам косметикой. И испуганной. До полусмерти.

Во всем виновата ее доброта и желание помочь другим людям. И деньги. Да, она хотела заработать. А что в этом плохого? Вот помогла и оказалась на нарах.

А Оля? Что с ней? Забрали ли ее? Или она успела уехать? Кира сейчас очень надеялась, что Сережа предупредил Великанову. А если нет? Оля не будет молчать. Это Кира знала наверняка. Она видела, как Оля была напугана их первым вызовом к следователю. Тогда их «пригласили» на «беседу», как свидетелей по уголовному делу, возбужденного против их друга и компаньона Влада Астахова. Астахов — еще тот делец! Деньги умел делать из воздуха. Его голова вечно была полна идей. Он умел заработать сам и давал заработать другим. И он никогда ничего не боялся, и умел рисковать.

Кира тут же подумала, что Астахов легко выкрутится из этой ситуации. Ему обязательно поможет Адка. А если нет? Потянет ли Астахов их с Олей с собой на дно? Но он же не дурак, в самом деле, самому себе яму копать!

Ее и взяли только для того, чтобы запугать. Они хотят, чтобы она дала нужные свидетельские показания против Астахова. Нет. Ее спасение в молчании. Она будет все отрицать, и никаких бумаг подписывать не будет.

Кира посмотрела на часы от «Картье». Скоро шесть, а она так и не сомкнула глаз. А надо бы поспать. День не обещает быть легким и ей нужны силы, чтобы выдержать все. Кира прикрыла глаза и тут же провалилась в беспокойное забытие. Через некоторое время она услышала лязг открывающейся двери камеры и с трудом разлепила глаза.

— Мальцева! На выход, — неприятный надзиратель забряцал ключами и криво усмехнулся:

— Давай, пошевеливайся.

Кира вздрогнула, и тревога остро пронзила ее. Дрожащими руками она быстро натянула сапоги и неуверенно шагнула в неизвестность.

— Ни пуха, ни пера тебе, Кирка! — услышала она вслед хриплый голос уголовницы и, не оглядываясь, вышла из камеры.

Пока Кара шла по коридору, она мысленно, как мантру, твердила: «Я не боюсь. Я справлюсь. Я не скажу ничего лишнего. Я не боюсь».

Вот и дверь, за которой ее не ждет ничего хорошего. Конвоир распахнул перед ней дверь, и она вошла в комнату, которая на первый взгляд выглядела более светлой и чистой. В комнате для допросов стоял стол и два стула. Больше ничего.

Кира остановилась у двери, не решаясь идти дальше.

— Свободен, — обратился к конвоиру следователь и посмотрел на Мальцеву. — Проходите. Присаживайтесь, Кира Николаевна. Как спалось? — с улыбкой, напоминавшей волчий оскал, поинтересовался следователь, когда за конвоиром закрылась дверь.

— Спасибо, хорошо, — тихо ответила Кира и села на свободный стул. Чтобы унять волнение, она расправила на коленях полы шубки и положила на них руки, сцепленные в замок.

По другую сторону стола сидел Игорь Степанович Горчаков. Следователь был молод, но

уже дослужился до капитана. «Интересно, за какие такие заслуги он так быстро получил это звание? — некстати подумала Кира, пока следователь перебирал бумаги, лежащие перед ним на столе. — А он, красив, этот капитан. Вот только... только, если бы не его колючие, жестокие и холодные как у рыбы глаза. И молодой человек явно находится на своем месте и вполне вписывается в эту убогую обстановку». Кира подумала еще и о том, что свою работу Горчаков, наверное, любит и выполняет ее с особым удовольствием. Было совершенно ясно, что следователь любит власть и сейчас упивается этой властью. Властью над ней. В первую их встречу, капитан показался ей весьма симпатичным и совершенно нестрашным. Но теперь... теперь она хорошо понимала, что перед ней сидит человек, который не остановится ни перед чем, ради достижения своей цели.

— Ну что? Поговорим о том, почему вы перечислили деньги со счета своей фирмы на «Альянс». Как выяснилось, такого предприятия не существует в природе. А люди, которые якобы работают там, просто мошенники, отмывающие деньги, — молодой экзекутор оторвал взгляд от документов, и пристально посмотрел Кире в глаза. Он говорил спокойно и как-то безразлично, буднично. Только глаза капитана выражения своего

не меняли. На какую-то долю секунды в них промелькнула некая заинтересованность. Заинтересованность мужчины, перед которым сидит красивая и эффектная женщина. Впрочем, какая она сейчас красивая? Напуганная и растерянная особа.

— Мне об этом ничего неизвестно, — твердо ответила Кира и вызывающе посмотрела на следователя.

— Напрасно вы, Кира Николаевна, не хотите сотрудничать со следствием, — усмехнулся Горчаков, по-прежнему буравя ее взглядом. От этого немигающего взгляда она поежилась. Какой неприятный тип.

— Мы знаем, — продолжал капитан, — что перечисленные средства на самом деле принадлежат Владиславу Александровичу Астахову. А вы, Кира Николаевна, являетесь посредником, между Астаховым и лжефирмой под названием «Альянс». Сколько обещал вам заплатить Астахов за отмыwanie денег? И где находится сейчас директор «Альянса»? Не молчите, пожалуйста. Вот передо мной две бумаги. Первая — это постановление о прекращении против вас уголовного преследования. Я ее подпишу, как

только вы ответите на все мои вопросы предельно честно и тогда прямо из этой комнаты вы отправитель домой, к мужу и сыну. Второй документ, — следователь принялся раскладывать перед Кирой какие-то бумажки, но она была не в состоянии разобрать, о чем в них говорится, — это постановление о применении к вам меры пресечения — аресту. И в этом случае вы будете находиться у нас все время следствия. И что-то подсказывает мне, что задержитесь вы у нас надолго. И не скоро вы встретитесь со своим сыном. Очень нескоро. Я думаю, лет, этак, через семь, восемь. А находитесь вы здесь потому, что задержаны на сорок восемь часов для выяснения некоторых обстоятельств дела, возбужденного против группы лиц, которые обвиняются в отмывании денег в особо крупных размерах. Вы понимаете, о чем я говорю, Кира Николаевна?

Кире опять стало нестерпимо холодно, а колени предательски задрожали. Нервный озноб пробирал ее до костей. Но она молчала.

— Что вы молчите? — в голосе следователя появились стальные нотки. — Скоро здесь появится и Ольга Константиновна Великанова. И она, я уверен, расскажет нам все...

Горчаков откинулся на спинку стула, помолчал, а затем, резко наклонившись вперед, сурово сказал:

— Но сейчас вы, Кира Николаевна, не молчите. Не усугубляйте своего и без того тяжелого положения. Чистосердечное признание намного облегчит ваше дальнейшее существование. Вы понимаете меня?

— Да.

— Вот и хорошо. Рассказывайте, — следователь опять откинулся на спинку стула и вновь немигающим взглядом уставился на Киру.

— Мне нечего вам сказать. Деньги «Альянсу» я отправила по договору поставки. И о том, что эта фирма занимается отмыванием денег, я не знала.

— Напрасно вы упираетесь, — Горчаков вздохнул и изобразил на лице разочарование. — Астахов мне все рассказал.

— Так зачем вы меня спрашиваете об этом, если он вам все рассказал? — Кира уже не испытывала безотчетного животного страха. Она смотрела следователю прямо в глаза и руки ее уже

не дрожали. В эту минуту Кира почему-то сильно рассердилась. Она хорошо знала это свое состояние и сейчас была рада ему. В этом состоянии она начинала думать трезво, правильно оценивать происходящее и всегда находила единственно верное решение выхода из любой, даже самой неприятной ситуации.

— Потому, Кира Николаевна, что я хочу услышать именно от вас, как часто вы пользовались счетами этой фирмы, кто еще из знакомых вам предпринимателей пользовался ее услугами? Может быть, есть и другие фирмы, через которые вы обналичивали деньги Астахова и свои собственные?

— Я ничего не знаю об этом, — Кира упрямо поджала губы. Нет, красавец, ничего я тебе не скажу. Как ни старайся.

— Ну вот, вы и вынуждаете меня сделать то, чего мне делать совершенно не хочется. Я подпишу вторую бумагу, и вы отправитель в камеру. Но на сей раз, вы попадете к уголовницам и там, поверьте, сладкой жизни у вас не будет. — Колючие глаза следователя потемнели от гнева. Но Кира уже не боялась ни следователя, ни его угроз.

Тираду Горчакова прервал звонок мобильного телефона.

— Да, слушаю, — произнес в трубку следователь.

Кира внимательно наблюдала, как меняется лицо капитана. Она поняла, что-то происходит. Но, что?

— Да. Слушаюсь. Я понял.

Горчаков некоторое время молчал, не сводя своего холодного взгляда с Киры. Ей уже начало казаться, что молчание следователя будет вечным. Наконец, с ноткой разочарования, капитан произнес:

— Вы свободны, Кира Николаевна. Видно у вас имеются очень серьезные покровители. Но свободны вы пока, — Горчаков сделал ударение на последнем слове и криво ухмыльнувшись, добавил: — Я уверен, что мы еще встретимся с вами. Непременно. Можете идти.

Медленно поднявшись со стула, Кира на ватных ногах направилась к двери. Неужели она свободна? Когда Кира коснулась ручки двери, она

услышала тихий вкрадчивый голос капитана:

— Когда мы встретимся с вами в следующий раз, вы так легко не отделаетесь, Кира Николаевна.

Не оборачиваясь, Кира резко рванула дверь на себя и вышла в коридор.

Когда Кира оказалась на улице, она увидела мужа, стоящего возле машины. Кира бросилась к Сергею, обняла его и заплакала.

— Ну, все, все... Успокойся... все позади. Поехали домой. Костя тебя заждался. Мама твоя тоже у нас. Садись в машину, ты дрожишь вся.

Муж заботливо поправил воротник шубки Киры и поцеловал ее в щеку. Трехдневная щетина на его лице и запавшие глаза красноречиво говорили о том, как нелегко дались Сергею эти дни. Кира улыбнулась мужу сквозь слезы и устроилась на заднем сиденье автомобиля.

Воспоминания нахлынули внезапно. Мальцева стояла в галерее у своего портрета. Артур начал писать этот портрет через неделю после того, как она вернулась домой. Кира совершенно не хотела позировать тогда, но художник, со свойственным ему упрямством, настоял на своем, и

она согласилась. Она хорошо помнила, как Артур усадил ее в неудобное кресло с высокой спинкой и попросил положить руки на подлокотники, а ноги, в изящных туфельках на высоком каблуке, отвести немного влево. В тот день Кира надела новое платье. Легкий шифон с золотыми листьями очень гармонировал с ее матовой кожей и соломенными волосами. Кире очень хотелось, чтобы на картине она выглядела счастливой. Но женщина на портрете выглядела грустной и печальной, потому что это было именно то состояние, в котором она пребывала в тот непростой период своей жизни.

— А вы очень похожи на эту женщину, — услышала Мальцева негромкий женский голос. Она обернулась и увидела молодую светловолосую красавицу, которая переводила взгляд с картины на нее. Женщина была такой же высокой, как и сама Кира, только полнее. Но эта полнота почему-то шла незнакомке. Женщина была дорого и со вкусом одета и сейчас поправляла темно-синий широкий кашемировый шарф, небрежно закинутый через плечо. В руках женщина держала именно такую темно-синюю сумку от «Гуччи», в цвет туфлям на невысоком удобном каблуке. Дорогая, чуть заметная косметика, наложенная умелой рукой, подчеркивала красоту ее зеленых глаз и форму губ. Кире достаточно было одного взгляда, чтобы

понять — перед ней весьма обеспеченная, выхоленная и счастливая женщина. Впрочем, такой счастливой она и сама была когда-то, только очень давно...

— А это я и есть, — улыбнулась Кира незнакомке.

— Но художник изобразил вас очень грустной, — в голосе женщины Кира услышала нотку сочувствия.

— Да, увы. Артур никогда не лгал, просто не умел.

— Этот художник очень талантлив. Я уже около часа брожу по галерее и все не могу остановить свой выбор на какой-нибудь картине. Мне все его работы нравятся.

— А вы хотите приобрести что-то из работ Артура?

— Да, хотела бы. Мы с мужем недавно дом купили, вот я и подбираю картину для гостиной. Я хочу ее над камином повесить.

— А знаете, что? — повинуюсь какому-то

порыву, произнесла Кира. — Давайте я покажу вам одно полотно, которое мне очень нравится. Только вы не увидите его в зале, мы его не выставляли.

Женщина согласно кивнула и пошла вслед за Кирой по залу. Женщины свернули в служебный коридор и подошли к кабинету хозяйки галереи.

— Вы владелица галереи? — поинтересовалась красавица.

— Нет, просто я помогала готовить эту выставку. У меня много работ Артура и они почти все здесь. Я его хорошо знала при жизни. Мой муж был с ним очень дружен.

— Понятно, — протянула незнакомка и вошла вслед за Кирой в кабинет, обставленный дорогой офисной мебелью. Видно хозяйка галереи очень любила цветы, потому что в кабинете было много экзотических растений, посаженных в красивые керамические вазоны, а на полу, аккуратно прислонившись к стене, стояло несколько картин.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — приветливо пригласила Кира.

Красавица присела на стул у стены и

поставила сумку на колени. С любопытством осмотрелась и одобрительно произнесла:

— Здесь очень уютно. А мы ведь с вами так и не познакомились. Я Елена, а муж иногда зовет меня Алеша, представляете? — представилась Лена и счастливо засмеялась. Потом красавица закопошилась в сумочке и вопросительно взглянула на Киру: — Здесь можно курить?

— Не желательно. Извините, пожалуйста, Лена. Хозяйка не выносит табачного дыма и сразу почувствует запах, — ответила Кира, перебирая картины.

— Ну и ладно, — легко согласилась женщина. — А как вас зовут?

— Я Кира. Вот, посмотрите. Нравится? — Кира аккуратно достала картину и развернула ее к Елене.

— Просто чудо, — восхитилась Лена, вглядываясь в полотно.

Пара породистых рысаков стремительно неслась куда-то. Их ноздри нервно дрожа, вдыхали кристально чистый воздух, а гривы разметались на

ветру. Эта пара была полна жизни и скорости. Рысаки мчались, преодолевая все преграды на своем пути. Они были величавы в своем беге, и их целеустремленности можно было позавидовать.

Елена поднялась и приблизилась к полотну.

— Да, это именно то, что я хотела. Интересно, куда они так спешат?

— Наверное, — Кира на мгновение задумалась, — наверное, к новой жизни. Посмотрите, позади них грозное небо, а впереди — безоблачная синь.

— Да, согласна. Картина мне очень понравилась. А сколько она стоит?

— Честно говоря, я не помню во сколько эксперты оценили эту картину. Но могу поинтересоваться.

— Пожалуйста, Кирочка, буду вам очень признательна. Я ее обязательно куплю. Я вам оставлю свой номер телефона, и вы мне позвоните, пожалуйста, когда будете знать стоимость картины. Хорошо?

— Хорошо. Договорились.

— Я ведь, знаете ли, — продолжила Елена, — очень люблю лошадей. Даже одно время училась ездить верхом.

— Правда? — удивилась Кира.

— Правда. В юности. Я тогда была стройненькой и худенькой, — засмеялась Елена и откровенно сказала: — А вот после родов поправилась, и вернуться к прежнему весу так и не смогла. Врачи говорят, что-то с обменом веществ. Но мой муж меня и такой любит. Запишите, Кирочка, мой телефон. И спасибо вам. Мне было очень приятно с вами познакомиться.

— И мне, — искренно ответила Кира и, записав телефон Елены, проводила ее до двери, совершенно не предполагая, что довольно скоро их судьбы переплетутся самым необычайным образом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАЧАЛО

Середина мая

Кто-то шел за ней, как привязанный. Она на секунду приостановилась, чтобы дать возможность преследовавшему ее человеку обогнать себя. Но шагов за спиной она не услышала и облегченно вздохнув, двинулась дальше. Ночь была теплой и какой-то черной. Редкие тусклые фонари скудно освещали часть тротуара и живую изгородь возле домов. Вокруг было очень тихо, казалось, что ни один лист не шевельнется на высоких стройных тополях. Слышны были только эти осторожные крадущиеся шаги за спиной. Она опять кожей почувствовала, что преследователь буравит взглядом ее спину. Внутренний голос предостерегал об опасности. Она вновь почувствовала страх, сердце бешено заколотилось и очень хотелось оглянуться. Но она не оглянулась и, что было сил, резко рванула к своему дому. Преследователь побежал за ней, уже не скрывая своих намерений. Она уже слышала его близкое прерывистое хриплое дыхание. До заветного подъезда оставалось метров сто, когда он все же настиг ее. Он обхватил ее сзади руками и грубо притянул к себе. Он дышал ей на ухо сипло и зловонно, и прижимался к ней всем телом все сильнее и сильнее. Она почувствовала его

напряженный член, и в ужасе хотела закричать. Но изо рта вылетел лишь какой-то булькающий звук, не имевший с криком ничего общего.

Она пыталась вырваться, но насильник лишь еще больше распаялся и правой рукой, задрав ее юбку, пытался сорвать трусики. Она уже начала терять сознание от страха и отвращения, когда услышала чей-то резкий окрик:

— Что ты делаешь, скотина? Отпусти ее!

Кира услышала этот крик и, собрав последние силы, вновь попыталась вырваться из железных тисков. И чудо! Тиски ослабли, а спустя мгновение похотливые руки и вовсе отпустили ее. Она сделала несколько шагов и обернулась. Высокий молодой мужчина держал ее преследователя за ворот легкой куртки. Затем ее спаситель развернул насильника лицом к себе и ударил его кулаком в живот. Мужчина согнулся пополам и глухо застонал, а молодой человек продолжил бить ее преследователя до тех пор, пока тот не распластался на земле.

— Хватит! Ты убьешь его! — закричала Кира, и опасливо приблизившись к лежащему на земле мужчине, неуверенно спросила: — Он жив?

— Да жив. Что ему делается? Не волнуйся, — немного отдышавшись, ответил спаситель.

Кира подняла глаза и в ночном мраке попыталась разглядеть молодого человека, который оказался в нужном месте и в нужное время.

— Может, в милицию позвоним и сдадим его? — предположила она, судорожно сглотнув.

— А толку то? — тяжело дыша, отозвался молодой человек. — Он ведь не успел тебе ничего сделать плохого. Только напугал сильно. Так что предъявить ему мы ничего не можем, и менты его быстро отпустят. Ну, а у меня неприятности могут быть. А ты сама как? С тобой все в порядке? — парень участливо коснулся руки Киры.

— Нормально, наверное. Я просто испугалась очень... Спасибо тебе.

— Что же ты одна бродишь по ночам?

— Понимаешь, у нас вечер был в институте. Я со своим парнем поссорилась, вот и пришлось идти одной. Честно говоря, я никогда не боялась ходить ночью одна, потому что была уверена, что со мной

ничего страшного случиться не может. Но теперь...

— Ну, теперь будешь знать, что ходить ночью одной опасно, — парень улыбнулся и сказал: — Давай я провожу тебя до подъезда.

— Проводи. Спасибо тебе за то, что спас меня. А тебя как зовут?

— Сергей, — просто ответил парень. — А тебя?

— Кира, — сделав несколько шагов, она лукаво улыбнулась, — вот мы и пришли. И это мой подъезд.

— Да, далековато мне пришлось провожать тебя, — весело рассмеялся Сергей. — Ну, до свидания?

— Спокойной ночи, — Кира протянула Сергею руку. Он мягко пожал ее и, задержав ее ладонь в своей руке, произнес: — Я подожду, пока ты войдешь в подъезд, и посмотрю, как за тобой закроется дверь. А уж потом разберусь с этим подонком, — Сергей мотнул головой в сторону мужчины, по-прежнему неподвижно лежащего на земле.

— Спасибо тебе, — благодарно произнесла Кира и впорхнула в подъезд. Она бегом поднялась на третий этаж и, порывшись в сумочке, достала ключи от квартиры. Но как только она попыталась вставить ключ в замочную скважину, дверь отворилась и рассерженный отец, взъерошив свои кучерявые волосы, укоризненно произнес:

— Кирочка, ну разве можно нас так с матерью волновать? Уже половина первого ночи и мы уже собрались идти искать тебя!

— Папочка, ну что ты заводишься? Я жива, здорова и со мной все в порядке, — девушка обняла отца и ткнулась носом в его щеку, покрытую щетиной двухдневной давности. — Ты колешься.

— Лапушка, ты же знаешь, что я в выходные дни не бреюсь, — улыбнулся отец и с нежностью похлопал дочь по спине. — Ладно, иди отдыхать, время позднее.

И Кира не решилась рассказать отцу ни про ночное происшествие, ни про нового знакомого, который спас ее от беды. Она очень любила отца и старалась не волновать его понапрасну.

Девушка скинула босоножки и вошла в свою комнату, но свет включать не стала. Она подошла к окну и слегка отвела штору в сторону, но в тусклом свете фонаря, она не увидела ни Сергея, ни насильника.

2

Кирочка Нетребская родилась в счастливой семье. Сколько себя помнила, она всегда была окружена заботой, лаской и любовью. Кира была единственным ребенком в семье и всю свою нежность родители отдавали ей. Девушка всегда знала, что любой ее каприз и любое желание обязательно будет исполнено. И если мать еще могла иногда в чем-то отказать ей, или за шалость пожурить, или сделать строгое внушение, то отец совершенно был на это не способен. Он боготворил Киру и носился с ней, как с хрустальной вазой. Справедливости ради, надо сказать, что Николай Артемович был человеком весьма занятым и дома появлялся только поздним вечером, когда Кира уже спала. Он возглавлял крупный машиностроительный завод, и довольно часто работа Николая Артемовича отнимала и его выходные дни, но каждую свою свободную минуту он отдавал дочери.

Александра Марковна, мать Киры, женщина с сильным и волевым характером, даже немножко ревновала мужа к дочери. В доме она была полновластной хозяйкой, взвалив на себя все трудности быта. Она была парторгом швейной фабрики и привыкла к тому, что ее слово есть истина в последней инстанции. Возражений Александра Марковна не терпела, но в тоже время старалась быть объективной. Она всегда была готова помочь людям и за это ее уважали, но побаивались.

Дома Александра Марковна тоже пыталась командовать всем и всеми. Нетребская желала, чтобы и ее домашние, муж и дочь, полностью подчинялись установленным ею правилам. Она была необычайно чистоплотной и великолепно готовила. Чтобы справиться со всеми делами, Александра Марковна очень рано вставала и ложилась спать далеко за полночь. Но был у нее и свой большой секрет. Александра Марковна писала стихи, лирические и очень нежные. Она прятала толстую тетрадь со стихами и от мужа, и от дочери, словно оберегала от них вторую часть своей натуры — мягкую, женственную, ранимую. Александре Марковне почему-то было стыдно предстать перед мужем во втором своем качестве. Она стеснялась открыто проявить свои чувства к мужу и свою

любовь к нему. Свои чувства Александра Маркова хранила глубоко в душе. Она во всем хотела быть «железным Феликсом». Собственно, это прозвище ей дали сослуживцы, и она этим прозвищем весьма гордилась, считая, что оно как нельзя лучше, отражает ее деловые качества.

Работа Николая Артемовича предполагала многочисленные командировки, встречи разного рода проверяющих и вышестоящего начальства, а также выезды с ними за город в «Охотничий домик» — профилакторий завода. Профилакторий располагался в живописном месте в сосновом бору у Черной речки. Рыбалка, охота, сауна или русская баня — вот те прелести, которыми потчевал Николай Артемович своих гостей. Эти выезды на природу сопровождались непременно банкетами. Хотя Николай Артемович и не был любителем выпить, но иногда мог позволить себе рюмочку, другую хорошей водочки или пятизвездочного коньячку.

В первое время после назначения Николая Артемовича директором завода, Александра Марковна сопровождала его и на банкеты, и в поездках на Черную речку. Но потом, устав от постоянного и неискреннего, как ей казалось, внимания к себе других людей, от одних и тех же

разговоров, и обязанности играть роль приветливой хозяйки, от этих мероприятий отказалась. Дома рядом с дочерью или наедине со своей заветной тетрадью, она чувствовала себя более уютно и комфортно. За мужа она нисколько не волновалась. Она знала, что Николай примерный муж и отец, и никогда не позволит себе вольностей с другими женщинами. Потому все командировки и поездки мужа на Черную речку воспринимала, как неотъемлемую часть работы крупного руководителя и ревностью не страдала.

Маленькая Кира очень любила те дни, когда отец бывал дома. Он находился в ее полной власти. Отец много гулял с ней в парке, раскинувшемся недалеко от дома. А их прогулки по улицам города, доставляли девочке особое удовольствие, потому что довольно часто хитрой малышке удавалось затянуть отца в «Детский мир», откуда без подарка она не выходила.

Однажды погожим весенним днем, как всегда, отец и дочь оказались в заветном магазине. Они неторопливо бродили в секции игрушек. Вдруг девочка неожиданно остановилась.

— Доченька, что случилось? — наклонился над Кирой встревоженный Николай Артемович.

А Кира, не в силах произнести ни слова, указала рукой на полку с куклами.

Николай Артемович поднял глаза и увидел куклу. То была великолепная негритянка в цветастых одеждах. Иссиня-черные вьющиеся волосы обрамляли лицо цвета шоколада. Выразительные карие глаза с длинными ресницами, закрывались и открывались. Широкий нос, пухлые алые губы и полные щеки, делали негритянку очень обаятельной. Выражение лица негритянки было веселым и озорным.

Кира стояла, как замороженная. Лишь несколько минут спустя, она смогла обернуться и посмотреть на отца глазами полными восхищения:

— Папочка, посмотри, она живая.

— Да, Кирочка, правда, — вынужден был согласиться Николай Артемович. Искусно сделанная кукла действительно выглядела живой.

— Папочка, — тихо проговорила Кира, — ты ведь мне купишь ее? Правда?

Кира умоляюще смотрела на отца. А Николай Артемович уже подсчитывал в уме деньги, что

лежали в его кошельке и в кармане пиджака. Но денег не хватало. Кукла была немецкой и очень дорогой. «Но, ведь, как здорово сделана кукла! Наши так делать еще не научились» — думал Нетребский, похлопывая себя по карманам.

— Кирочка, у меня нет с собой столько денег, — виновато принялся оправдываться Николай Артемович.

Кира не капризничала. Она не требовала купить куклу сию же минуту. Девочка просто не могла сдвинуться с места от огорчения. На ее круглые глазки накатились слезы, и она заплакала тихо и горько. Николай Артемович совершенно не мог выносить слез дочери. Он растерянно оглядывался по сторонам в поисках знакомых.

— Почему ваша девочка плачет? — поинтересовалась приятная девушка в синем форменном платье, которая уже некоторое время наблюдала за расстроенным отцом и его очаровательной дочерью.

— Да вот понимаете, — неуверенно заговорил Николай Артемович, взглянув на девушку, — дочери очень понравилась негритянка, а денег у меня не хватает...

— Ничего страшного, — продавец мило улыбнулась, — вы можете оставить ее на час, а потом приехать с деньгами и забрать эту куклу.

— Правда? — недоверчиво спросил Николай Артемович.

— Правда. Я и сама бы не отказалась от такой игрушки. Эти куклы бывают у нас очень редко. А сейчас конец месяца, вот и выбросили их в продажу для плана.

— Так вы оставите ее нам?

— Конечно. Но только на час.

— Хорошо, хорошо. Я обязательно заберу ее. Спасибо вам.

Девушка сняла куклу с прилавка и положила ее в большую красивую коробку.

— Как ваша фамилия?

— Нетребский.

Продавец написала фамилию на коробке и

приветливо посмотрела на Киру.

— Ну, девочка, ты довольна? У тебя такой замечательный папа!

Кира счастливо кивнула, слезы ее моментально высохли, и из универмага она весело шагала рядом с отцом в предвкушении обладания замечательной куклой. А еще через полтора часа, Кира уже расчесывала великолепные черные кудри неотразимой негритянки.

3

Школьные годы пролетели, как одно мгновение. На выпускном балу у Киры было самое красивое платье. Девчонки одноклассницы немного завидовали ей. Но Кире было не до завистливых взглядов подруг. В этот счастливый день она чувствовала себя взрослой и самостоятельной. Кира была несказанно рада тому, что школьные годы позади, а впереди новая взрослая жизнь. Радовало и то, что мать, наконец, разрешила ей подстричь надоевшие до чертиков косы. Теперь с короткой модной стрижкой она выглядела, как ей казалось, старше и солиднее.

Однако Александра Марковна была

категорически против новой прически дочери и непрестанно бурчала:

— Ты, Кира, поступила очень легкомысленно, когда состригла косы. И ты еще пожалеешь об этом. Длинные и густые волосы — это невероятное богатство и красота женщины. У тебя волосы вьются, как у отца, и ты еще намучаешься с их ежедневной укладкой.

А Николай Артемович, как всегда, был на стороне дочери и пытался урезонить жену:

— Сашенька, не бурчи. Если Кирочка хочет поносить короткую прическу, то пусть поносит. В конце концов ее чудесные волосы отрастут быстро. Молодежь нынче стрижется коротко и Кира не должна отставать от моды. В юности все хотят выглядеть стильно и наша дочь не исключение. Вспомни хотя бы себя в ее годы.

— Николаша, вечно ты ей уступаешь и балуешь без меры.

— Шурочка, но кого же мне еще баловать? Кирочка наша единственная дочь и, посмотри, какая она у нас красавица.

И действительно, Кира была очень хороша. Высокая, длинноногая, с хорошо развитой грудью, Кира не была худышкой, она была, что называется, в теле. Но спину держала ровно, нисколько не сутулясь и не стесняясь своего высокого роста. Особенно хороши были глаза Киры — лучисто-синие, в обрамлении длинных и густых ресниц. Она выкрасила волосы в пепельный цвет и теперь, избавившись от надоевших кос, укладывала свои шикарные волосы с особой тщательностью.

Единодушны родители были в выборе профессии Киры. Нетребские решили, что их дочь должна стать учительницей. И Кира не возражала. Только она хотела учить малышей и желала стать учительницей начальных классов. Родители с этим выбором спорить не стали, и Кира без особых усилий поступила в педагогический институт.

И вот теперь она, студентка третьего курса, влюблена в своего ночного спасителя. Сережа. Как жаль, что она не взяла номер его телефона. Но мама всегда говорила, что не пристало хорошо воспитанной девушке из приличной семьи самой навязываться парню. Именно от молодого человека должна исходить инициатива к знакомству с приглянувшейся ему девушкой. А девушке нужно только ждать своего суженого и надеяться, что

судьба пошлет того, кто ее достоин.

Но ждать своего суженого долго Кире страсть, как не хотелось. Хотелось увидеть его сейчас, а не в каком-то неведомом далеком будущем. Так думала девушка, выходя на крыльцо института. День выдался не из легких, и Кира чувствовала себя уставшей. Она с удовольствием сделала глубокий вдох. В аудитории было душно, и сейчас Кира подставила свое лицо легкому весеннему ветерку, наслаждаясь его свежестью.

— Нетребская, пошли с нами. Мы решили посидеть в кафе. Отдохнем, расслабимся, — однокурсницы веселой гурьбой обступили Киру, и девушка уже готова была согласиться, как услышала знакомый голос:

— Кира, можно тебя на минутку?

Девчонки оглянулись и увидели высокого красивого юношу, робко стоящего чуть в стороне.

— Кирка, кто это? Как зовут твоего красавчика? Почему мы о нем ничего не знаем? — наперебой весело загалдели девчонки, стреляя глазами в сторону молодого человека.

— Так, знакомый, — смущенно отозвалась Кира и почувствовала, как запылали ее щеки.

— Ладно, ладно, не красней. Мы пошли, не будем тебе мешать, — девчонки озорно засмеялись и весело болтая, отправились к остановке троллейбуса.

— Привет, — Сергей приблизился к Кире. Юноша двигался как-то неловко и скованно.

— Привет, — слегка натянуто улыбнулась Кира. Сердце ее бешено стучало. Это же надо, только подумала о нем, и вот он тут, как тут. — Ты что здесь делаешь?

— Тебя встречаю.

— Зачем? — задала дурацкий вопрос Кира и покраснела еще больше. Что она несет? Она так рада его видеть. Целую неделю она непрестанно думала о своем спасителе и мечтала увидеть его. А теперь растерялась и, как последняя идиотка, несет черт знает что.

— Мне очень хотелось увидаться с тобой.

Он что и в самом деле такой скромник, или

просто прикидывается? Да что за мысли лезут в голову, в самом деле! Кира встряхнулась и призналась:

— Знаешь, а я тоже хотела увидеть тебя.

— Правда?

— Да. А как ты нашел меня?

— Ну, ты же сказала, что учишься в педагогическом. Вот я и прихожу сюда в конце занятий, чтобы увидеть тебя.

— Так ты уже не первый раз сюда приходишь? — Кира удивленно вскинула брови.

Сергей кивнул и с нежностью посмотрел на девушку. А Кира, уже вполне справившись с собой, сделала шаг ему навстречу и тихо сказала:

— Пойдем?

Он опять молча кивнул, осторожно взял ее под руку и повел в сторону парка. Они медленно прогуливались по аллеям парка и болтали обо всем. Им было очень хорошо вдвоем. И эту первую прогулку по парку Кира запомнит, как самую

счастливую в своей жизни.

4

С этого дня Сергей каждый день встречал ее после занятий, и они отправлялись в парк. Кира чувствовала себя такой счастливой, что совершенно потеряла голову. Ей теперь было не до занятий. На лекциях она мечтательно сидела, совершенно не понимая, о чем говорят преподаватели. Она мысленно представляла себя невестой. Красивой и счастливой. Нет, она представляла не только себя, но и Сережу в роли жениха — серьезного, несколько растерянного от торжественной обстановки, в красивом строгом черном костюме. Из них получилась бы очень красивая пара. Оба высокие, стройные и очень счастливые. Кира даже слышала, как приглашенные на свадьбу гости шепчутся у них за спиной:

— Посмотрите, какая замечательная пара! Кирочка необыкновенно хороша. И Сергей ей под стать, такой же красивый, как и невеста. Такой пары мы еще не видели.

Вот гости усаживаются за свадебным столом и кричат им «горько!». А они смущенные поднимаются из-за стола и боязливо касаются друг

друга губами. Но гостям этого мало. И они уже дружно скандируют: «Горько! Горько!» И тогда он бережно обхватывает ее за талию и прижимает к себе. Потом целует сильно и страстно...

— Кирка, ты что уснула? Звонок уже прозвенел, а ты сидишь, как приклеенная. Собирайся, пошли домой, — Майка толкнула Киру в бок, поднимаясь со стула.

— Да, да...

Кира вынырнула их прекрасных грез и принялась засовывать конспекты в сумку.

— Слушай, Нетребская, — сурово начала подруга и укоризненно посмотрела на Киру, — ты, что совсем спятила? Что с тобой происходит? Ты сама не своя и ведешь себя в последнее время странно. Сессия на носу, а ты все в облаках витаешь. Надо об экзаменах думать, а не мечтать на лекциях.

— Что ты пристала ко мне? Отстань, — недовольно буркнула Кира и застегнула молнию на сумке.

— Кира, я понимаю любовь, и все такое, но не

вылетать же из института из-за этого! Ты еще ни одного зачета не сдала. Тебя не допустят к сессии.

— Не волнуйся, я все сдам.

— Как же сдашь, когда у тебя только твой Сереженька на уме? Кстати, мама твоя мне вчера звонила. Спрашивала, что с тобой случилось.

— И что ты сказала?

— Да ничего особенного. Только сказала, что парень у тебя появился. Вот и все.

— Ну, кто тебя просил, Майя? Я бы сама им все рассказала. Только чуть попозже.

— Ну, ну...

— А что мама сказала? — заволновалась вдруг Кира.

— Александра Марковна сказала, что они так и подумали, что ты влюбилась. Так что и дома тебе неприятностей не миновать.

Подруга оказалась права. Как только Кира появилась на пороге дома, Александра Марковна

без предисловий жестко спросила:

— Кто он?

— Кто? — Кира сделала вид, что не понимает, о ком говорить мать.

— Не придуривайся, Кира, ты знаешь о ком я говорю.

— Саша, ну что ты сразу с места в карьер. Дай Кирочке в квартиру войти, — в прихожей появился Николай Артемович, который на удивление оказался дома.

— Идем, — властно приказала Александра Марковна. — Мы с отцом хотим с тобой поговорить.

Кира понуро побрела за родителями вглубь квартиры. В большой и уютной гостиной она осторожно присела на край мягкого диван, обитого дорогой гобеленовой тканью и не глядя на родителей, спросила:

— О чем вы хотите со мной поговорить?

— Доченька, — мягко начал Николай

Артемович, усаживаясь рядом с дочерью, — мы очень волнуемся за тебя. Особенно в последнее время. Вот мать говорит, что ты поздно возвращаешься домой, учебу забросила. А у нас все не выдавалось свободной минутки с тобой поговорить. Мы уходим на работу — ты еще спишь, а когда мы возвращаемся, ты не выходишь из своей комнаты. У тебя что-то случилось?

— Коля, да что ты миндальничаешь с ней? Посмотри на нашу дочь, она совсем взрослая девица и я подозреваю, что в ней уже гормоны бушуют вовсю. Мы, как родители, должны предостеречь ее от необдуманных поступков. И она должна знать, что бывает, когда девушки вступают в период половой зрелости. И какие могут быть последствия от некоторых необдуманных поступков, — Александра Марковна выразительно посмотрела на мужа и скрестила руки на груди.

— Саша, не волнуйся ты так. Наша девочка умная и обо всем знает, и ошибок не наделает.

Кира слушала перепалку родителей, и ей вдруг стало стыдно. Вот до чего они бедные додумались! Надо было сразу рассказать им о том, что она познакомилась с чудесным парнем, что он добрый, хороший и никогда ее не обидит. Он даже

спас ее от насильника, и поцеловались они всего несколько раз.

— Кира, чего ты молчишь? — Александра Марковна сурово посмотрела на дочь. Она стояла посреди комнаты и всем своим видом излучала негодование.

И тогда Кира, чуть не плача, рассказала им и о том злополучном вечере, и о том, как Сережа ее спас, и о том, что он ей очень нравится. А потом подняла глаза и решительно сказала:

— Я встречалась с ним, встречаюсь, и буду встречаться! Даже если вы мне будете запрещать.

И тут случилось то, чего Кира совершенно не ожидала. Родители засмеялись. Громко и от души.

— Да кто же, скажи на милость, запрещает тебе встречаться с этим мальчиком? — сквозь смех, утирая слезы на глазах, выговорил отец. — Да, пожалуйста, встречайся! Только делай это в свободное от занятий время. Мы даже очень рады, что у тебя парень есть.

— Только сейчас, — перебила мужа, уже успокоившаяся Александра Марковна, — ты

больше должна об учебе думать.

— И мы хотели бы познакомиться с твоим рыцарем, — вставил отец.

— И приведи его к нам как-нибудь на ужин. Я приготовлю что-нибудь вкусненькое, — заключила мать и опустив руки, присела в кресло.

Кира поняла, что гроза миновала, облегченно выдохнула и улыбнулась:

— Родители! Я вас так люблю! Вы у меня самые лучшие.

Кира счастливо прильнула к груди отца, а он, ласково поглаживая ее по волосам, проговорил:

— Какая, доченька, ты уже взрослая у нас. Мы даже не заметили, когда ты выросла.

5

Июль

Наталья Васильевна Мальцева пребывала в полной растерянности. Ее старший сын надумал

жениться. И что это взбрело ему в голову жениться так рано? Еще только полгода прошло, как он отслужил в армии после института. Нет, чтобы погулять еще, повстречаться с девчонками, на танцы походить. Вот друзья его что-то не торопятся семьями обзаводиться. Артур вот, к примеру, все время твердит, что женится лет в тридцать. И правильно. Надо сначала на ноги крепко встать, а потом уже и невесту подыскивать. А ее Сережа, хотя и не говорит ей, что жениться надумал, только чувствует сердце, что все к тому идет. И сейчас, когда он попросил погладить самую лучшую рубашку и привести в порядок костюм, сомнений уже не осталось. У мальчика все серьезно с этой Кирой. Очень серьезно. Хотя с другой стороны, девочка из очень хорошей семьи, слов нет. Но как примут ее сына родители Киры? Они, наверное, мечтают о другом муже для дочери. Из своего круга. А может, она просто ревнует сына к этой незнакомой ей девушке? Да, она еще не видела избранницу сына. Но по его рассказам, Кира девушка красивая, воспитанная и очень скромная. Насчет скромности девушки есть сомнения. В такой семье не вырастают скромницы. Наверное, она избалованная и капризная девица. Пусть бы лучше он нашел себе девушку попроще. И тогда она, как мать, ничего не имела бы против женитьбы единственного сына. А так... что-то тревожно на душе. Будет эта красавица

манипулировать ее Сережей, как марионеткой.

Наталья Васильевна, старательно выглаживая воротничок рубашки сына, пыталась отогнать от себя эти неотвязные мысли, но они упорно цеплялись одна за другую, превращаясь в огромный ком и внося сумятицу в душу.

— Мама, когда ты уже рубашку принесешь? — услышала Наталья Васильевна нетерпеливый голос сына.

— Несу, несу, сынок.

Наталья Васильевна подхватила со стола еще теплую рубашку и засемила в комнату сына. Сергей стоял возле зеркала и причесывал свои густые волнистые волосы. Какой красивый у нее мальчик! Высокий, стройный. Тонкий, с небольшой горбинкой нос, карие выразительные глаза, мужественное лицо. Фигура мускулистая, с широкими плечами. Заглядеться можно!

Наталья Васильевна чувствовала, что сын также обеспокоен первым визитом в дом Мальцевых.

— Чего ты так волнуешься, сынок? Можно

подумать, что ты сегодня собираешься сделать своей Кире предложение, а не просто в гости идешь, — Наталья Васильевна осторожно прощупала почву, надеясь, что ее опасения окажутся напрасными.

— Как ты не понимаешь, мама? Я действительно иду в гости и от того, как пройдет сегодня мое знакомство с родителями Киры, многое зависит, — раздраженно ответил Сергей. В этот момент он пытался застегнуть пуговицы на манжетах рубашки.

— Давай, сынок, я тебе помогу, о то у тебя от волнения руки дрожат. Ты и в самом деле хочешь им понравиться?

Наталья Васильевна приблизилась к сыну и ловко застегнула пуговицы и поправила загнувшийся воротничок рубашки.

— Да. Кира говорила, что мама у нее очень строгая. А отец очень добрый и мягкий человек. Но в доме все решения принимает мама Киры, и если я ей не понравлюсь, то...

— Ты не можешь не понравиться ей, — убежденно сказала Наталья Васильевна и

улыбнулась. — Ты воспитанный, серьезный и положительный... и такой красавец!

— Да ну тебя, мамочка с твоими шутками, — Сергей пригладил волосы, и обнял мать.

— А я и не шучу сынок.

— Так я пошел?

— Иди уж... Только цветы не забудь купить, — бросила вдогонку сыну Наталья Васильевна и опустилась на его диван. И сейчас она подумала о том, что не стоит ей волноваться раньше времени. Возможно девушка и на самом деле достойна ее сына.

Ровно в назначенное время Сергей нерешительно нажал кнопку звонка квартиры Нетребских. За дверью раздалась мелодичная трель, и Сергей приготовился увидеть отца Киры, но дверь открыла она сама. Глаза девушки возбужденно блестели.

— Заходи, не бойся. Я сама боюсь, — прошептала Кира и пропустила гостя в квартиру.

— Потрясно выглядишь, — сделал

неуклюжий комплимент Сергей.

— Пошли, — пролепетала Кира и взяла молодого человека за руку.

Они направились в гостиную, где у празднично накрытого стола стояли принарядившиеся родители Киры.

— Здравствуйте, — поздоровался Сергей и неуклюже преподнес цветы Александре Марковне. — Это вам.

— Спасибо, молодой человек, — несколько холодно поблагодарила та и принялась откровенно разглядывать гостя.

А Николай Артемович, широко улыбаясь, шагнул навстречу Сергею и протянул ему руку. Рукопожатие отца Киры было крепким и дружеским.

— Очень рад, — сказал Николай Артемович и сделал приглашающий жест. — Проходите, молодой человек. Сашенька, может сразу за стол? Я бы уже и поужинал.

— Кирочка, представь нас своему другу, — с

едва уловимыми стальными нотками в голосе сказала Александра Марковна.

— Ах, да, — смущенно отозвалась Кира. — Мама, папа — это Сережа. Моя мама — Александра Марковна, а это мой папа, Сережа, Николай Артемович.

— Слушайте, что это мы представляемся друг другу, как при мадридском дворе, — широко улыбнулся отец Киры. — Давайте без этих церемоний обойдемся. Прошу всех к столу.

— Кира, поставь цветы в вазу. Да, Сергей, пожалуйста, присаживайтесь, — наконец соизволила улыбнуться Александра Марковна. И от ее улыбки атмосфера вдруг разрядилась, и Сергей почувствовал, как напряжение последних минут исчезло.

6

А в это время, Леночка Скрябина самозабвенно целовалась со Славой в подъезде своего дома, испытывая при этом необыкновенную негу и счастье. Да, она была счастлива. Она любила и была любима. Возвращающиеся домой соседи, проходя мимо целующейся парочки, понимающе

улыбались. Все они были когда-то молоды и память еще бережно хранила и первую любовь, и первые поцелуи, и первый зов плоти. Только Митрофановна, неприветливая, бесформенная старуха, которую Лена не любила и слегка побаивалась, тяжело спускаясь по ступенькам лестницы, ехидно пробурчала:

— Ой, смотри, Ленка, как бы твой кавалер ребеночка тебе тут же не приделал.

Лена неохотно оторвалась от губ Славы и непринужденно отозвалась:

— Не волнуйтесь, Митрофановна, не приделает. Смотрите лучше за своим Барсиком.

Старуха злобно сверкнула глазами, потянула за поводок упирающегося пса и вышла, громко хлопнув дверью.

Молодые люди беззаботно рассмеялись и опять слились в долгом поцелуе. Спустя некоторое время Слава отстранился от девушки и, облизнув влажные губы, сказал:

— Пойдем, что ли, еще прогуляемся. Ночь такая теплая.

— Нет, Слава, уже поздно. Родители давно ждут. Мама спать не ляжет до тех пор, пока я дома не появлюсь. Пора мне.

— Ну ладно, иди, — вздохнул Слава. — Завтра встретимся?

— А как же, обязательно. Только ненадолго. Мне к экзаменам готовиться надо.

— Понимаю. Так до завтра?

Слава вновь нежно прижал девушку к своей груди и коснулся губами ее губ. Лена страстно ответила на поцелуй и почувствовала, как его рука осторожно приподнимает подол платья.

— Славик, не надо, — Лена вернула руку юноши на талию, и немного отстранившись, укоризненно посмотрела на любимого.

— Прости, милая, — глухо отозвался Слава, — просто мне очень трудно сдерживать себя. Я так люблю тебя, и хочу тебя.

— Но я еще не готова. Понимаешь?

— Да, Лена, понимаю, и я не тороплю тебя.

— Слушай, — тихо произнесла Леночка, — давай выйдем из подъезда и посмотрим, горит ли свет в моих окнах. Может, мама уже легла спать? И тогда мы погуляем еще чуть-чуть.

Они вышли на улицу и девушка, задрав голову, посмотрела на свои окна. Свет горел на кухне, все же остальные окна дома были темны.

— Нет, мама не спит, — с сожалением произнесла Леночка. — Придется идти.

Слава кивнул, поцеловал любимую на прощание и, развернувшись, неторопливой походкой отправился домой. А Лена с сожалением посмотрела ему вслед и нырнула в подъезд.

Семья Скрябиных ничем не отличалась, от других семей, живущих в их большом и шумном городе. Александр Павлович, глава семейства, трудился на инструментальном заводе начальником цеха. В семнадцать лет он сбежал на войну и встретил победу в Кенигсберге. Собственно, он узнал о том, что война закончилась в лазарете, где приходил в себя после тяжелого ранения в голову. Теперь его некогда привлекательное лицо было

обезображено уродливым шрамом, который протянулся по левой щеке от уха к ноздре. Тогда это обстоятельство очень расстраивало девятнадцатилетнего юношу, но врачи обещали, что шрам со временем не будет слишком заметен, но форма носа никогда уже не будет прежней. И как он будет дальше жить с такой необычной физиономией, юноша не представлял. Свой страх перед будущим он периодически заливал чем придется, или тем, на что хватало денег. С годами Александр Павлович уже не думал о своей странной внешности, но привычка погружаться в короткие запои осталась.

Александр Павловичу удалось заочно окончить машиностроительный институт, и из простого слесаря он дорос до начальника цеха. Он был человеком умным, добрым и отзывчивым. Много читал и увлекался историей и географией. Но особой страстью его была фантастика. Трудился Александр Павлович на совесть и на заводе его ценили высоко, и директор на запои начальника инструментального цеха закрывал глаза потому, что, во-первых, Скрябин на рабочем месте не пил, а во-вторых, коллектив его уважал, и план в цеху Александра Павловича неизменно перевыполнялся. Ну, а то обстоятельство, что Скрябин дней пять посидит на больничном, выходя из запоя, директора

сильно не беспокоило. Главное — план.

Скрябин долго не решался жениться. Но наступил в жизни начальника цеха такой день, когда он страстно влюбился. Влюбился в очаровательную фельдшерицу, которая перевелась из районной поликлиники на завод заведующей здравпунктом. В первый раз, когда Скрябин увидел девушку, он понял в одну минуту, что пропал. Лариса, так звали новую медичку, роста была не очень высокого. Светленькая, пухленькая и какая-то домашняя. Озорные светло-зеленые глаза взирали на мир непосредственно и по-доброму. Говорила она мягко, чуть растягивая слова. А ее руки, накладывающие бинт на неглубокий порез, были нежными и ласковыми.

Теперь при каждом удобном случае, Александр Павлович попадался милой фельдшерице на глаза и пытался заговорить с ней. Она же охотно болтала с ним минуту, другую и убегала по делам. Затем Скрябин стал заходить в медпункт все чаще: то цветов принесет, то яблочко положит на стол, то шоколадную конфетку засунет в карманчик белого, туго накрахмаленного халатика Ларисы.

Прекрасная фельдшерица благосклонно

принимала эти маленькие подношения, но в ее отношении к Александру Павловичу не было ничего обнадеживающего. Он знал, что многие пытались приударить за милой девушкой, но никто так и не удостоился взаимности Ларисы Юрьевны.

А потом по заводу поползли слухи, что новая медичка разведенка. Что у нее есть дочка лет шести. И что ушла она от мужа потому, что тот страшно гулял. А иногда даже имел наглость прогуливаться со своими любовницами под окнами их дома.

Правда все это было или нет, Александра Павловича не волновало. В жизни всякое бывает и не стоит обращать внимание на сплетни. Немного поразмыслив, Скрябин решился позвать Ларису замуж. Он не был женат еще ни разу, а женщины, появляющиеся на его пути, не давали ему того, чего он желал: спокойной семейной жизни, без скандалов и ссор, без выяснения отношений и без претензий к его привычке уходить в запой.

Единственное, что смущало начальника цеха было то, что фельдшерица младше его на тринадцать лет. В обществе молодой красавицы Скрябин чувствовал себя добрым дядюшкой, который оберегает юную девушку от невзгод

жизни. Но Лариса не была наивной девушкой. Она сразу поняла, чего хочет от нее этот милый и добрый начальник инструментального цеха. И Лариса хотела бы познакомиться с ним поближе. Но непривлекательное лицо Скрябина и его страсть к выпивке пугали и одновременно отталкивали Ларису от нового воздыхателя. Однако было нечто, что перевешивало чашу весов в пользу Александра Павловича. В Ларисе Юрьевне сидело стойкое убеждение в том, что женщине с ребенком очень трудно выйти замуж вновь. Все вокруг считали, что быть одинокой матерью быть не прилично. Разведенка — есть разведенка, и никакая мать не разрешит молодому холостяку жениться на женщине с ребенком, пусть даже и нажитом в законном браке. Так твердили все вокруг, и так постоянно говорила Ларисе и ее мать. Нина Афанасьевна, которая, потеряв мужа в самые первые дни войны, замуж больше не вышла и, вытянув двоих детей, знала все тяжелые и горькие стороны жизни одинокой матери. Хлебнувшая в жизни горя, Нина Афанасьевна хотела, чтобы Лариса долго не выбирала, а шла второй раз замуж за того, кто будет ее брат. Так что Александр Павлович даже не подозревал, что Лариса морально уже была готова ответить положительно на неуклюжие ухаживания старого холостяка.

Все у них сладилось спустя год с момента их первой встречи. Александр Павлович удочерил Наташу и дал ей свою фамилию. Чему Лариса Юрьевна была несказанно рада. Теперь у ее дочери есть настоящий отец, а не тот поганец, который был ее первым мужем. Впрочем, поганец уже давно перестал интересоваться и ею, Ларисой, и дочерью. Теперь у него другая семья и подрастает сын.

Но все же перед походом в загс Лариса взяла с добрейшего Александра Павловича слово, что тот бросит свои запои. И на радостях Александр Павлович клятвенно заверил будущую жену, что пить бросит непременно.

Спустя девять месяцев в дружной семье родилась Лена. Александр Павлович был так доволен рождением дочери, что в этот же день напился до бесчувствия. Друзья-собутыльники принесли его домой чуть живого, и едва оклемавшись, счастливый отец явился в роддом навестить жену. Лариса по лицу мужа определила, что он только что отошел от запоя, и очень расстроилась. Но простила и опять взяла с мужа слово, что этот запой будет последним. Скрябин поклялся и на сей раз, только уже здоровьем своей единственной дочери.

Лариса последней клятве мужа поверила. Сейчас она была необычайно счастлива, а то обстоятельство, что ее вторая дочь родилась в рубашке, убедило молодую мать в том, что в жизни Лены все будет замечательно.

Вскоре директор завода выделил Скрябиным новую квартиру из своего личного фонда, в которой они теперь жили и растили дочерей.

7

— Наташа не звонила? — с виноватым видом поинтересовалась Лена, появившись в кухне.

— Нет, не звонила, — устало ответила Лариса Юрьевна и потерла пальцами слипающиеся глаза. — Почему ты так поздно? Ты ведь знаешь, что нам с отцом завтра рано вставать.

— Мамочка, ну прости, — умоляюще заглянула матери в глаза Леночка. — Ты сама была молодой и понимаешь, как бывает.

— Я понимаю... Только вот вы не хотите понимать нас, родителей, — укоризненно покачала головой Лариса. — Есть будешь?

— Буду, — с готовностью отозвалась Лена и плюхнулась на стул.

Лариса тяжело поднялась и подошла к плите.

— Сейчас разогрею...

— Нет, давай так. Я очень проголодалась.

— Ну, еще бы! Гулять днями и ночами... — пробурчала Лариса и выложила на тарелку макароны и две котлеты. — Чаю налить?

— Не-а, — с набитым ртом ответила Лена. Потом, прожевав, спросила: — А когда они должны вернуться?

— Наверное, через неделю, — Лариса устало присела за стол и посмотрела на аппетитно жующую дочь.

— Наша Наташка счастливая, правда?

Лариса кивнула и поинтересовалась:

— Признайся честно, может и ты, часом, замуж собралась?

Девушка удивленно взглянула на мать.

— Нет, Ковалев мне предложение еще не делал.

— А собирается?

— Да, не знаю я. Мы об этом не говорили.

— Вот и хорошо. А то мы с отцом от свадьбы Наташи еще не отошли. И денег пока не собрали.

— Мамочка, не волнуйся, — засмеялась Лена. — Моя свадьба еще не скоро. Успеете вы и денег собрать и приданое приготовить.

И тогда Лена не могла и предположить, насколько эти ее слова были близки к истине.

Это неприятное событие случилось как раз в день приезда сестры и ее мужа из свадебного путешествия по Кавказу. Наташа и Леня пришли вечером к Скрябиным поделиться впечатлениями о поездке. Они оба хорошо загорели, были веселы и очень довольны друг другом. Беззаботно переговариваясь, семья расселась за столом. В центре стола красовалось огромное блюдо с дымящимися пельменями. Александр Павлович и

Лариса накануне несколько часов простояли в кухне за приготовлением так любимых всеми пельменей. Лариса приготовила фарш, а Александр Павлович старательно заворачивал его в тонкие кружочки теста. При этом он подсчитывал число слепленных пельменей и по порциям раскладывал их в морозильнике.

К пельменям, как полагается, Лариса поставила на стол и сметану, и масло, и черный перец, а для зятя выставила и маленькую бутылочку с уксусом. Леня употреблял пельмени только с уксусом, чего остальные члены семьи понять не могли. Но, как говорится, о вкусах не спорят, и на эту странность зятя Скрябины старались внимания не обращать.

Молодожены, перебивая друг друга, рассказывали о своей поездке, а Лена, слушая их болтовню вполуха, с нетерпением ожидала звонка Славы. Он позвонил ближе к восьми и, быстро распрощавшись с сестрой и зятем, девушка выскочила во двор. Слава одиноко сидел в старой беседке. Приблизившись к любимому, Лена почему-то безошибочно почувствовала, что у него случилось что-то нехорошее.

Девушка вошла в беседку и настороженно

поздоровалась:

— Привет, Славик.

— Привет, — Ковалев едва коснулся губами ее щеки и озабоченно огляделся по сторонам.

Влюбленные сели на скамейку напротив друг друга.

— Чего это ты оглядываешься? Ждешь кого?

— Да нет, не жду, — вяло отозвался Слава и опустил глаза.

Теперь Лена всерьез начала волноваться.

— Ковалев, что случилось? Ты какой-то странный сегодня. Говори, не пугай меня.

— Понимаешь, Леночка... Тут такое дело...

Лена устремила немигающий взгляд на расстроенное лицо друга, а когда он поднял глаза, девушка увидела в них столько тоски, что отшатнулась.

— Да, что случилось? Рассказывай! —

приказала она и попыталась взять юношу за руку. Но он вырвал свою руку и медленно, с трудом подбирая слова, выдавил:

— Лена, понимаешь, мы, наверное, больше не будем встречаться...

— Что? — оторопело прошептала девушка. — Почему?

— Понимаешь, у меня до тебя была девушка... Ира, — Слава набрал в легкие больше воздуха и, опять опустив глаза, сумбурно продолжил: — Мы переспали с ней несколько раз. Ты не подумай, Лена, я не любил ее. Ну, просто... Просто нравилась она мне тогда, вот я по дури и переспал с ней. Она не хотела, чтобы я бросил ее. Когда я познакомился с тобой, я понял, что не хочу больше ее видеть. Я понял, что люблю тебя. Но она залетела, и долго скрывала это, а аборт, когда еще можно было, делать побоялась и не хотела. Я просил ее избавиться от ребенка, но она — ни в какую. Потом, когда уже стал виден живот, она обо всем рассказала своим родителям, а они пришли к моим предкам разбираться.

Ковалев замолчал, не в силах говорить дальше.

— И что? — Лена нетерпеливо заерзала на скамейке. Она вдруг почувствовала, как от нервного напряжения к горлу подкатилась тошнота и она, зажав рот рукой, судорожно сглотнула.

— А вот что. Они решили, что мне нужно жениться на Ирке. И чем скорее, тем лучше.

Теперь Лена сидела и молчала, словно набрала в рот воды. До нее с трудом доходило то, о чем говорил Слава. Но она понимала, что это конец. Конец их отношениям. Конец их любви.

— Поверь, я отбивался, как мог. Но они заставили меня, и мы отнесли сегодня заявление. А в загсе у них нашлась какая-то тетка знакомая, и с учетом Иркиного положения свадьба будет через три недели. Они попросили эти три недели, чтобы подготовиться, — Слава говорил быстро и сумбурно, словно хотел поскорее рассказать все и избавиться от чувства вины, которое переполняло его и мешало дышать. Выказавшись, юноша замолчал и по-прежнему не поднимая головы, уставившись в пол беседки.

Когда Ковалев наконец решился поднять голову и посмотреть на Лену, то увидел ее широко

раскрытые глаза полные ужаса и страдания. В каком-то отчаянном порыве, он бросился перед ней на колени, схватил ее руки и крепко сжал их.

— Ты не думай, я не люблю ее. Я женюсь на ней, а потом, когда родится ребенок, уйду от нее. Я разведусь с ней, и мы поженимся, и мы будем счастливы с тобой. Долго, долго. Прости меня, Леночка, я люблю только тебя. Ну скажи что-нибудь, не молчи, прошу тебя!

Но Лена, осторожно высвободила руки, обошла Славу и, опустив плечи, медленно побрела к своему подъезду.

8

Начало августа

На душе было пасмурно. Лена сидела за письменным столом, тупо уставившись в пособие по русскому языку. Через неделю у нее первый вступительный экзамен. Но учебник по-прежнему открыт на одной странице, на сорок пятой. Она уже почти двадцать минут смотрит на эту страницу. Строчки слились в одно темное пятно.

Девушка отрешенно вздохнула. Как ей теперь жить? Как он так мог поступить с ней? Как он мог поставить большой жирный крест на их любви и так подло предать все то, что их связывало? А Ирка, наверное, рада, что у нее теперь все будет в порядке. Она выйдет замуж за Славика, и они будут счастливы. А ей куда деваться и куда бежать, чтобы забыть все? В последнее время, она почти никуда не выходит. Страх столкнуться с ними на улице отбивает желание выходить даже в магазин. Да, надо уезжать и чем дальше, тем лучше. После вступительных экзаменов она непременно уедет и забудет все.

Лариса последнее время не находила себе места. Переживания за дочь перехлестывали через край, а сердце разрывалось на части. Скрыбина жалела дочь и втихомолку страдала вместе с ней. Сейчас она на цыпочках подошла к комнате дочери и осторожно приоткрыла дверь. Лена занимается. Ну и слава богу. Дочь занята делом и это поможет ей отвлечься от дурных мыслей. А то надумалась, дурочка, уезжать куда-то. Видишь ли, не может она жить со Славиком в одном городе. Места, видишь ли, ей здесь нет! Какая она все-таки еще маленькая и совсем беззащитная перед этой непростой жизнью. Думает, глупенькая, что на этом мальчике свет клином сошелся.

Все эти дни они с мужем пытались внушить дочери, что таких Славиков у нее еще будет воз и маленькая тележка, но Лена ничего слышать не хотела. И она не скрывала своих страданий. Бедная девочка не понимает, что первая любовь часто приносит не то, чего мы от нее ожидаем, и истории о первой любви очень редко имеют счастливый конец. Почему в жизни так происходит Лариса Скрябина не знала. В первый раз она сама выходила замуж по большой любви. И что? И ничего хорошего эта всепоглощающая страсть ей не принесла. А только страшное разочарование и слезы. Ну, здесь она немного слукавила, потому что от ее первой любви родилась Наташа. Но девочка к счастью совсем не похожа на своего отца и посему не напоминает ей о тех тяжелых временах. Лариса горестно вздохнула, тихонько прикрыла дверь в комнату Лены и так же на цыпочках отправилась в кухню.

В тот злополучный вечер они только принялись пить чай, когда Лена вернулась с прогулки. Они не ждали ее так скоро. Когда младшая дочь появилась в гостиной, на нее страшно было смотреть: лицо бледное, губы дрожат, а глаза горят нездоровым блеском.

— Мамочка, все кончено! — вскричала Лена и бросилась в свою комнату. Они повыскакивали из-за стола и гурьбой ввалились в комнату дочери.

— Ленка, что случилось? — озабоченно спросила Наташа и первой приблизилась к кровати, на которой, свернувшись калачиком, лежала Лена. В этот момент, она была жалкой и растерянной. Густые волосы разметались по подушке, а красивые глаза наполнены слезами.

— Он женится, — размазывая слезы по щекам, выдавила Лена.

— Кто? Славка?

— Да.

— Не может быть...

Потом немного успокоившись, Лена смогла рассказать о том, что случилось. И она, и муж, и Наташа наперебой принялись утешать бедную девочку. Только зять тактично вышел, чтобы не присутствовать при этом неприятном разговоре. От этой всеобщей жалости, Лена расплакалась навзрыд. Наташа принесла из кухни стакан с водой. И, бряцая зубами по ободку стакана, Лена, сделав

глоток, высказалась насчет того, что ей нет места в этом городе, и что она хочет уехать куда-нибудь подальше от этого кошмара. Все вновь начали утешать Лену и давать советы. Но какие тут могут быть советы, когда девочка получила свой первый жизненный удар. А сколько их еще будет впереди? Одному только богу известно.

Лариса поставила маленькую турку на плиту. Надо девочке кофе сварить и сделать бутерброд с сыром. Пусть перекусит немного. Скрябина уже приготовила кофе и собиралась отнести чашку с дымящимся напитком в комнату Лены, как раздался звонок в дверь. Лариса неохотно поставила чашку на стол и отправилась в прихожую. Подойдя к двери, она посмотрела в глазок и в недоумении отшатнулась. В дверь настойчиво позвонили во второй раз. Вот ведь незадача! Что делать? Открыть? Или не открывать? Если не отрыть, он будет трезвонить целый день.

— Мамочка, кто там? — услышала Лариса голос дочери.

— Никто, Леночка, занимайся, — громко отозвалась она, открыла дверь и шепотом поинтересовалась: — Чего тебе?

— Тетя Лариса, я хочу поговорить с Леной. Это очень важно, — торопливо заговорил Слава и умоляюще смотрел на Ларису. Лицо юноши было пунцовым от волнения, но в глазах читалось упрямство человека, готового на все.

— Тебе не о чем с ней разговаривать, уходи, — шепотом сказала Лариса и попыталась закрыть дверь, но молодой человек, просунув ногу в щель, произнес дрогнувшим голосом:

— Я не уйду, пока не поговорю с Леной.

— Убери ногу, Слава, — строго приказала Лариса, повысив голос. Она уже начинала злиться, но более всего она боялась, что на шум прибежит Леночка.

— Тетя Лариса, ну, пожалуйста, позовите Лену. Мне очень нужно поговорить с ней!

— О чем ты хотел поговорить со мной?

Лариса обернулась на голос дочери, а Ковалев еще сильнее надавил на дверь, и Лариса не в силах больше удерживать его натиск, сдалась. Она широко распахнула дверь, а юноша рванулся к Лене и прижал ее к груди. Лена не вырывалась, она

стояла, безвольно опустив руки.

— Леночка, прости, прости, — глухо бормотал Слава, покрывая поцелуями лицо девушки.

От этой трогательной картины у Ларисы защемило сердце. Она откашлялась и тяжело вздохнув, сказала:

— Ладно, уж, проходи. Только кроссовки сними, и тапочки отца надень. Пойдемте в кухню, там и поговорим.

Слава, отпустив Лену, покорно выполнил приказание Скрябиной и отправился вслед за женщинами в кухню. Когда они расселись за столом, Лариса первой нарушила молчание:

— Я, дети, не хочу, конечно, вмешиваться в ваши дела, но я думаю, нам надо обсудить сложившуюся ситуацию.

— Тетя Лариса, вы меня простите, но здесь нечего обсуждать, — Слава нетерпеливо перебил Скрябину и решительно сказал: — Я принял решение. Я не хочу жениться на Ире. И не женюсь на ней. Я люблю только Лену. И в загс меня

насильно никто не затащит!

— Если ты думаешь, что после этих слов мы будем встречать тебя здесь с распростертыми объятиями, то ошибаешься. Ты, дорогой мой, уже доставил нам массу неприятностей. И я подозреваю, что это еще не все, — Лариса не сдерживала своего негодования. Она выразительно посмотрела на юношу и вдруг осознала, как ему страшно и одиноко сейчас. У него нет никого, кто бы понял его и помог в этой неприятной и странной ситуации. Юноша сидел, сцепив руки в замок, и робко поглядывал на Лену. Та же, опустив глаза, о чем-то сосредоточенно размышляла.

— Хорошо. Допустим, Ирку ты не любишь и жениться не на ней хочешь. Это понятно, — сухо и внятно произнесла Лена, потом она подняла глаза и в упор посмотрела на Славу. — Но ты забываешь о главном.

— О чем?

— О ребенке, Слава. О своем ребенке, — холодно пояснила Лена.

— А что ребенок?

— Ты подумал о том, как будет жить ребенок без отца? Ведь он не виноват в том, что вы с Ирккой наделали.

Лариса была поражена. Она и предположить не могла, какие мысли роятся в голове ее дочери.

— Доченька...

— Что, мамочка? — Лена перевела взгляд на мать и с чувством произнесла: — Вспомни, легко ли тебе было Наташку растить одной, пока вы с отцом не поженились?

— Конечно, Леночка, нелегко, — совсем растерялась Лариса, — Но мы сейчас говорим совершенно о другом.

— Нет, мама, о том, о самом, — как-то устало произнесла Лена. Ее глаза наполнились слезами. — Так что, как ни крути, а Слава должен отвечать за свои поступки. И ребенок ни в чем не виноват. И ты Слава, должен поступить, как порядочный человек. Как настоящий мужик.

Слава взволнованно посмотрел на Ларису, словно ища у нее поддержки. А Скрябина молчала, пребывая в полном замешательстве. В кухне

повисла гнетущая тишина. После тяжелых раздумий Лариса решила высказаться прямо:

— Да, доченька, ты все говоришь правильно. И ребенок не должен расти без отца, и одной трудно. Это так. Иногда в своей жизни мы совершаем такие ошибки, которые исправить очень трудно, а порой и невозможно. Но я хочу, чтобы вы всегда помнили о таком чувстве, как любовь, — Лариса обвела взглядом детей и с горечью в голосе добавила: — Нет, дорогие мои, в жизни наказания большего, чем жить без любви и жить с не любимым человеком. И тогда ни дети не радуют, ни сама жизнь. Нет большей каторги, чем изо дня в день ложиться в постель с человеком, которого не любишь, и чьи прикосновения вызывают у тебя отвращение. Уж простите, что я говорю вам об этом. Но вы уже взрослые и все должны понимать. С годами нелюбовь превращается в ненависть, а жизнь превращается в один сплошной кошмар. И рано или поздно люди расстаются. Только потом у них уже нет ни сил, ни времени, да, впрочем, и желания искать новую любовь. Потом все уже бывает слишком поздно.

— Мама...

— Помолчи, Лена, дай договорить, — Лариса

твердо посмотрела на юношу и уверенно продолжила: — Слава, если ты действительно не любишь ту девушку, не женись. Не порти свою жизнь с самого начала. И не надо себя винить и осуждать за те поступки, которые уже совершены. Ты своего ребенка не оставишь и будешь помогать ему всю жизнь. Если будет необходимо, то и мы поможем. Знай, ты всегда можешь на нас рассчитывать. И если ты любишь Лену, я не буду возражать против ваших отношений. Так что крепко подумай, и сделай так, как тебе сердце подсказывает.

После этого разговора жизнь, казалось, вернулась в прежнее русло. Днем Лена готовилась к экзаменам, а вечером бегала на свидания к Славе. Она немного оттаяла, но в душе со страхом ожидала рокового дня — дня свадьбы любимого. Она ни о чем его не расспрашивала и убедила себя в том, что Слава уже поговорил со своими родными и свадьба не состоится.

Домашние Лены тоже щекотливых вопросов не задавали. Они были довольны, что дочь успешно сдает вступительные экзамены в институт и видели ее уже студенткой института культуры. Лена, проучившись четыре года в библиотечном техникуме, будет через пять лет иметь и высшее

образование по своей специальности, что даст ей в будущем значительную прибавку к зарплате.

Но роковая суббота приближалась стремительно.

Этот августовский день выдался пасмурным. Дождя не было, но по небу ходили тучи, серые и тяжелые. Иногда поднимался ветер и разгонял грозные облака, но солнце, едва показавшись, вновь скрывалось за их мрачной тяжестью.

С раннего утра Лена объявила матери, что она со Славой проведут весь день в зоопарке. Лариса попыталась уговорить дочь остаться дома и из-за плохой погоды, и из-за того, что ее сердце нехорошо ноет, предчувствуя неприятности. Но Лена, ни в какую не желала прислушаться к матери, и в десять часов утра отправилась на встречу со Славой.

Первую половину дня Лариса занимала себя, чем только могла, но мысли ее были далеки от домашних хлопот. Ближе к обеду она обессилено опустилась в кресло и позвала Александра Павловича, читавшего на кухне газету.

— Саша!

— Что, Ларочка? Ты звала меня? — с газетой под мышкой и спущенными на кончик носа очками, Александр Павлович предстал перед женой.

— Сашенька, накапай-ка мне капель по тридцать валерьянки и пустырника. Что-то сердце пошаливает у меня.

— Сейчас, сейчас, дорогая.

Александр Павлович встревожено кинулся в кухню к аптечке, накапал положенное количество капель и подал жене.

— А воды?

— Да, да, извини, забыл.

Когда Александр Павлович принес чашку с водой, Лариса залпом выпила капли и откинулась на спинку кресла, прикрыв глаза.

— Ларочка, тебе полегчало? — тут же поинтересовался муж.

— Нет еще, нужно время, чтобы капли подействовали, — вяло отозвалась Лариса и, закрыв

глаза, замерла, прижав руку к сердцу.

Спустя несколько минут, Лариса услышала звук открывающейся входной двери и быстрый топот ног. Она открыла глаза и увидела чем-то встревоженных Лену и Славу, лицо которого выражало крайнюю растерянность.

— Лена, что случилось?

— Мамочка, они нас ищут. Они уже идут сюда, — запыхавшаяся Лена говорила с трудом, а Слава, озираясь по сторонам, словно искал место, где можно спрятаться.

— Так, идите в комнату и закройте там! И ни звука!

Лариса торопливо поднялась с кресла и устремилась к окну. Она отдернула штору и выглянула во двор. Во дворе стояла группа нарядно одетых людей. Люди, размахивая руками, что-то шумно обсуждали. Иногда они поглядывали на окна Скрябиных. Затем от группы отделились пара, и направилась к подъезду. Мужчина шел спокойно, а женщина отчаянно жестикулировала и что-то громко говорила своему спутнику. Спустя некоторое время в квартиру Скрябиных постучали.

— Лариса, что происходит? — взволновано поинтересовался Александр Петрович, вбежав в гостиную с той же газетой в руках.

— Саша, прошу тебя, успокойся! Посиди тут и не вмешивайся.

Лариса твердым шагом подошла к двери и уверенно спросила:

— Кто там?

— Открывайте. Нам нужна Лена.

— Ее нет дома, — ответила Лариса, широко распахнув дверь. Она, как можно спокойнее, посмотрела на высокого седоволосого мужчину и полную ярко накрашенную женщину.

— Нет, мы знаем, что она дома, — истерично взвизгнула женщина, качнув тяжелыми золотыми серьгами с крупными аметистами.

— А кто вы, собственно, такие и что вам нужно от моей дочери? — спросила Лариса и вся ее поза говорила о том, что враг не пройдет и вломиться в ее дом незваным гостям она не

позволит.

Мужчина выступил вперед и, подталкивая рукой женщину себе за спину, открыл было рот, чтобы ответить на вопрос, но его спутница, отшвырнув руку мужчины, вплотную приблизилась к Ларисе и на такой же высокой ноте заорала:

— Слушайте, женщина, я — мама Ирины. Сегодня у моей дочери свадьба. Славка, подлец такой, не приехал в загс. Люди видели его с вашей дочерью, так что если она дома, пусть лучше выйдет и скажет, где Славка, а не то плохо ей будет. А если, не приведи господи, он прячется у вас, то...

— То, что? — сдерживаясь из последних сил, спросила Лариса и приложила руку к сердцу, готовое выскочить из груди.

— Люда не кричи и успокойся, — примирительно произнес мужчина. — Криками мы ничего не добьемся. Я отец Славы. Послушайте, мне не хочется скандалить, но...

— И не надо, — оборвала мужчину Лариса. — Мне нечего вам сказать. Моей дочери нет дома, и где она я не знаю. Так что вы напрасно пришли

сюда.

— Идите-ка вы, уважаемые, искать своего сына в другом месте, — недобро блеснув глазами, сказал Александр Павлович, выглядывая из-за спины Лариса. — И не будоражьте мою жену. Она говорит правду. Лариса, закрывай дверь, нам с этими людьми говорить не о чем.

Лариса закрыла дверь, застегнула цепочку и повернула ключ нижнего замка. Но в дверь опять заколотили, и Скрябины услышали тот же визгливый голос:

— Ну, если вы соврали, то я вышей дочке все волосенки на ее голове повырываю! Так и знайте!

Затем за дверью послышалась какая-то возня, и все смолкло. А Скрябины вернулись в кухню. Лариса выглянула в окно и наблюдала, как незванные визитеры вышли из подъезда, и приблизились к ожидавшим их родственникам. Они еще что-то недолго обсуждали и, взглянув на окна Скрябиных, отправились на поиски жениха.

Скрябины переглянулись и облегченно выдохнули.

Сергей покинул дом Нетребских около полуночи. Его настроение было превосходным. Он смог произвести приятное впечатление на родителей Киры и этот факт не мог не радовать Мальцева.

Когда все расселись за столом, Кира принялась накладывать в его тарелку все, что приготовила Александра Марковна. Гора еды на красивой тарелке была просто огромна, и он, взирая на все эти кулинарные изыски матери Киры, подумал о том, что никогда не осилит эту гору. Но еда была настолько вкусной, что Сергей сам и не заметил, как моментально опустошил тарелку. Александра Марковна несколько раз поинтересовалась, нравятся ли ему салаты и мясной рулет. И в ответ он только кивал, потому что с набитым ртом говорить было не совсем удобно. Его мама так вкусно готовить не умела, да и, собственно, денег у них всегда было в обрез. Котлеты их семья видела только в день зарплаты родителей, и питались Мальцевы преимущественно картошкой да макаронами.

Поначалу Кира испытывала неловкость наблюдая за тем, как Сергей быстро и жадно

поглощает еду. Но девушка быстро поняла: Александра Марковна довольна тем, что их гость перепробовал все блюда, выставленные на столе и, тем самым, оценил ее старания. Ведь если бы он ковырялся в тарелке только ради приличия, то это бы означало одно — еда гостю не понравилась. А так как у молодого человека такой хороший аппетит, значит она, как хозяйка дома, угодила гостю. Александре Марковне и в голову не могло прийти, что Мальцев просто зверски голоден и что все это изобилие, которое он видел сейчас на столе Нетребских, его семье было попросту не по карману.

Родителям Киры в избраннике дочери понравилось все: и его мужская красота, и то, что он не избалован, и то, что к спиртному относился равнодушно. К плюсам в молодом человеке они отнесли и его высшее образование и то, что он уже отслужил в армии, и то, что он из интеллигентной семьи. Но самое главное было то, что их дочь любит этого простого парня, а он отвечает ей взаимностью. Это было очевидно.

И совсем уже было неожиданным оказалось то, что поклонник дочери был еще и талантлив. Александра Марковна, в душе натура романтическая, никак не могла ожидать того, что

этот скромный молодой человек пишет стихи. Но не только стихи, но и музыку. Она до глубины души была поражена тем, что, абсолютно не зная нотой грамоты, поклонник дочери сочиняет песни.

— Сергей, а чем ты занимаешься в свое свободное время? — благодушно поинтересовался Николай Артемович, расслабленно откинувшись на спинку стула после сытного ужина.

— Понимаете, Николай Артемович, я пишу песни, — ответил Сергей и покраснел.

— Песни? — переспросил глава семейства и удивленно посмотрел на гостя.

— А на каком инструменте ты играешь? — тут же поинтересовалась Александра Марковна, собирая грязную посуду со стола.

— Да играю — это громко сказано, — смутился Сергей и добавил: — На гитаре. Я самоучка, и играю на слух. А сейчас я пытаюсь самостоятельно освоить и пианино. У нас дома есть старенький инструмент. Моя мама работает в детском садике музыкальным работником. И это пианино ей когда-то купили дед с бабкой. Маме было лет шесть, кажется.

— А почему тебя в детстве не отдали в музыкальную школу раз у тебя есть способности? — поинтересовалась Александра Марковна. Она уже вынесла грязные тарелки в кухню и теперь неторопливо накрывала стол к чаю.

— Не знаю, — неопределенно ответил Сергей. — Наверное мама не хотела делать из меня музыканта. Она считала, что не мужское это дело.

— Может быть, твоя мама и права, — весомо сказал Николай Артемович. — Мужики должны строить, изобретать и созидать...

— А если у мальчика талант, Николаша? Если музыка его призвание? — перебила мужа Александра Марковна.

— Шурочка, мужик должен семью содержать, кормить, поить и одевать, а музыкой много не заработаешь.

— Так-то оно так, — Александра Марковна неохотно согласилась с мужем. — Однако, если у человека есть способности, то их непременно нужно развивать.

— Я и не спорю, — улыбнулся Николай Артемович. — Только в свободное от основной работы время.

Кира слушала родителей и радовалась тому, что Сережа им понравится. Девушка сидела рядом с любимым и с обожанием смотрела на него. А Мальцев нежно сжимал под столом ее руку, словно ища поддержки и это делало девушку счастливой.

Чуть позднее Александра Марковна вынесла из кухни маковый пирог, источавший необычайный аромат и, разрезая его, поинтересовалась:

— Сережа, я вот одного никак понять не могу, как ты можешь играть на гитаре, не зная нотной грамоты. У меня это просто в голове не укладывается.

— Понимаете, Александра Марковна, в нашем дворе парень один жил... Витя. Он очень хорошо играл на гитаре. Мы с компанией часто собирались в беседке, и он песни нам пел разные. Я однажды попросил его показать мне основные аккорды. Их же всего четыре основных, вот он на листке бумаги и нарисовал мне гриф со струнами и пометил, куда пальцы ставить надо. Я потом долго тренировался. Сначала плохо получалось, но потом я уже

освоился и мог по слуху подбирать любую мелодию. Включу магнитофон, да и повторяю вслед за гитаристом песню и подпеваю тихонько...

Сергей необычайно оживился. Нетребские видели, как загорелись глаза юноши, и чувствовалось, что он говорит искренне, от души.

— Когда на первом курсе нас отправили на картошку, мы вечерами с ребятами у костра сидели. Я пел, а они мне подпевали. Потом, как-то нечаянно, песня у меня своя получалась. Я потом по песне в неделю сочинял. Ребята их разучивали и у костра пели со мной.

— Да-а-а, — протянула Александра Марковна, — и ты все их помнишь?

— Конечно, у меня память отличная, — не удержался и похвастался Сергей.

— Вот это мы сейчас и проверим, — лукаво произнес Николай Артемович и встал из-за стола. Он на несколько минут вышел в смежную комнату и появился с гитарой в руке.

— Споешь нам что-нибудь?

— Мне как-то неудобно, — стушевался Сергей.

— Сереженька, ну, пожалуйста! — Кира подняла на него умоляющий взгляд.

— Просим, просим, Сереженька! — присоединилась к просьбе мужа и дочери Александра Марковна.

Сергей принял из рук Николая Артемовича гитару, настроил ее и запел. Приятный баритон зазвучал негромко и проникновенно. Сергей пел о прекрасной незнакомке и любви к ней. Он словно погрузился в светлую и немного грустную историю. В этот момент его взгляд был устремлен куда-то вдаль. Он пел душой, и Нетребские были поражены его искренностью и чистотой чувств. Когда Сергей умолк, в комнате повисла тишина.

— Да, Сергей, не скрою, удивил ты нас, — Николай Артемович первым прервал молчание.

— Это была твоя песня? — недоверчиво спросила Кира.

— Да, Кирочка, — кивнул Сергей. — Я ее услышал в голове, когда мы с тобой по парку

гуляли в первый раз. Помнишь?

— Да.

— Я тогда посвятил ее тебе.

Кира благодарно взглянула ни Сергея и проговорила:

— Спой еще что-нибудь.

— Да, да, спой, — поддержали дочь Нетребские.

О пироге с маком в этот вечер никто больше не вспоминал.

А в августе, Кира не поехала с родителями в Сочи. Она осталась в душном и пыльном городе. Девушка не хотела расставаться с любимым ни на день. Нетребские побурчали немного приличия ради, но уговаривать дочь не стали. Они понимали, что уговоры бесполезны. Сами были молодыми когда-то и хорошо помнили о своей первой встрече и о своей любви.

Для Киры это лето стало особенным. Она все же умудрилась сдать сессию без хвостов и теперь

наслаждалась бездельем. Она спала допоздна, запоем читала любовные романы, а вечером встречалась с Сергеем. Они бродили по городу, иногда заходили в какое-нибудь кафе и болтали часами напролет. Сережа был начитан и неплохо разбирался в современной музыке. Он мог часами говорить о «Ямахе», «Роланде» и прочих известных западных фирмах, выпускающих музыкальную аппаратуру. Сергей не понимал пристрастия Киры к любовным романам и обзывал их «бабскими книжками» или «книжками для старых дев и одиноких женщин». Но она не обижалась, поскольку не была ни одинокой, ни старой. Правда, она была пока еще «девой», но чувствовала, что таковой останется не очень долго. И когда родители уехали в санаторий, Кира решила избавиться от своего девичества.

В тот тихий августовский вечер она пригласила Сергея домой. Он согласился с радостью, но все же поинтересовался дома ли родители. Кира беззаботно ответила, что родители на двадцать один день уехали в санаторий и квартира в их полном распоряжении.

Когда они вошли в квартиру, Кира сразу повела Сергея в родительскую спальню. Затем как-то буднично принялась расстилать постель.

Сергей молча наблюдал за ней. Потом он робко приблизился к ней и сдавленно спросил:

— Ты действительно хочешь этого?

Кира кивнула, отводя глаза. Она начала стягивать с себя платье, но запуталась в коротких рукавах и Сергей, приблизившись к ней вплотную, осторожно помог ей выбраться из платья. Кира чувствовала, как подрагивают его пальцы и как он тяжело дышит. Ей тут же передалось его волнение и трепет, и она скользнула под одеяло в трусиках и лифчике. Сергей снял брюки и огляделся по сторонам в поисках вешалки, но Кира тихо проговорила:

— Клади на стул.

Сергей аккуратно сложил брюки на сиденье стула, так же аккуратно повесил рубашку на спинку, поднял с пола платье Киры и набросил его на свои вещи. Потом неуклюже присел на край кровати и стянул носки. Кира слегка подвинулась и, откинув уголок одеяла, призывно посмотрела на Сергея. Он осторожно лег рядом с ней и нежно обнял за талию. Кира всем телом прильнула к нему и поцеловала, и Сергей больше не в силах сдерживаться, принялся целовать ее сильно и

страстно. Потом он избавил ее и себя от ненужного сейчас нижнего белья и грубо вошел в нее. Кира вскрикнула от боли и уперлась руками в его плечи. Но Сергей, уже совершенно не владея собой, ритмично двигался внутри нее. Она постанывала от боли и вдруг ощутила дурноту. В это время он еще раз дернулся и, издав какой-то булькающий звук, затих на ней. А Кира, испытывая досаду и разочарование, не смогла сдержать слез. Эти непрошеные слезы, закрывая горькой пеленой свет, тихо покатались их уголков ее глаз.

— Прости меня, — глухо прошептал он ей на ухо и перевернулся на спину, — я слишком долго этого хотел и не смог...

Кира повернула голову к окну. Она не хотела, чтобы Сергей видел ее слезы. Вот она и потеряла свою девственность. То, о чем она читала в любовных романах и о чем так страстно мечтала, совершенно не соответствовало действительности. Ей не понравилось. Теперь она сожалела о том, что произошло. И хорошо, что все закончилось так быстро.

Незаметно для себя Кира уснула, а проснулась от того, что Сергей нежно поглаживает ее по руке. Она хотела сделать вид, что еще спит, и он уйдет

домой и прикасаться к ней больше не будет. Но Сергей настойчиво ласкал ее. Он целовал ее грудь и плоский живот, добираясь губами до самого интимного места. Кира широко раскрыла глаза и почувствовала острое желание. И удивилась, как ее тело мгновенно отреагировало на ласки Сергея. И она перестала думать и анализировать происходящее, и полностью отдалась в его власть. Но когда он снова вошел в нее, она почувствовала, что противный ком опять подступил к горлу. Она судорожно сглотнула и попыталась двигаться с ним в такт. Но проклятая дурнота не давала Кире покоя, и когда Сергей удовлетворенно откинулся на влажные простыни, она опять с радостью подумала о том, что все, наконец, закончилось.

10

Нетребские вернулись домой в конце августа. Они были чрезвычайно довольны отпуском. Впервые за многие годы супруги отдыхали вдвоем без дочери. Они загорели, и, казалось, помолодели лет на десять. Кира уже давно не видела родителей такими счастливыми. Она боялась того, что мама сразу заметит произошедшие в ней перемены. Но мама ничего не заметила. И Кира была этому рада. Рада тому, что не придется рассказывать родителям о том, как она жила все это время одна. И не надо

будет рассказывать, что Сережа все это время жил в их квартире и что они практически не вылазили из постели, предаваясь любовным утехам. Кира была разочарована первой близостью с Сергеем, но постепенно начала привыкать к его ласкам и даже иногда испытывала что-то похожее на оргазм. Но чувство тошноты в пик удовлетворения осталось. И это угнетало, а понять, почему так происходит, Кира не могла.

Сергей же был счастлив. Он был влюблен и обладал самой красивой девушкой из всех, что у него когда-то были. Он изредка появлялся дома, и Наталья Васильевна со стороны с тревогой наблюдала за бурно развивающимся романом сына. Но до поры не вмешивалась и только просила сына хоть иногда давать о себе знать. Наталья Васильевна хорошо понимала, что Сергей уже взрослый мужчина и распорядится своей судьбой так, как посчитает нужным. И ее мнение для сына уже не играет никакой роли. Все зашло слишком далеко. Теперь оставалось только ждать развязки, и какой она будет, покажет время.

Пришел пасмурный и дождливый сентябрь. Кира, как обычно, не побывала на море в этом году и чувствовала себя немного уставшей. Она неохотно поднималась по утрам к первой лекции. А

иногда появлялась в институте, лишь ко второй паре. По утрам ее мутило, и жизнь не казалась прекрасной. Иногда, сидя в аудитории, она с вождением смотрела на кусочек мела, лежащего у доски. А однажды, решившись, стащила его и тайком с удовольствием съела. И это событие навело Киру на очень неприятные мысли.

Наконец закончилась педагогика, и наступил большой перерыв. Кира с Майей спускались по лестнице в институтскую столовую, чтобы немного перекусить. Хотя подруги и не очень жаловали стряпню институтской поварихи, однако впереди была еще две пары и обе были голодны.

— Майка, послушай, — нерешительно проговорила Кира, касаясь локтя подруги, — что-то я в последнее время странно себя чувствую.

— Как, Кирочка? — Майя участливо посмотрела на подругу своими большими навывкате карими глазами.

— Как-то нехорошо мне... мутит.

— Может ты чем-то отравилась? — беззаботно поинтересовалась Майя.

— Да не похоже. Я так чувствую себя уже давно. И... — Кира замолчала, размышляя над тем, стоит говорить подруге о своих подозрениях, но потом, решившись, выпалила: — Задержка у меня большая.

— Сколько?

— Дней десять...

— Что? — глаза Майи стали еще больше. Она как вкопанная остановилась на лестнице. — Ты что беременная, Кирка?

Жизнерадостные студенты, спускаясь, толкали остановившихся подруг, но они этого не замечали. Сквозь шум и гам сокурсников Кира неуверенно произнесла:

— Похоже на то.

— Слушай, Кира, может, ты ошибаешься? — все еще сомневалась Майя.

— Хотела бы ошибаться, но думаю, что я все же залетела, — обреченно проговорила Кира, устремив взгляд куда-то в стену.

— И что ты теперь будешь делать?

— Не знаю еще. Ладно, пошли, а то в столовке очередь будет большая.

Девушки спустились на первый этаж, вошли в столовую и встали в очередь к раздаточному столу. Очередь продвигалась быстро и, взяв по салату и соку, подруги уселись за свободный столик.

— Слушай, Кирочка, — первой вернулась к разговору озабоченная Майя, — тебе сначала надо с Сережкой поговорить, а потом уже принимать решение.

— А как я с ним буду говорить на эту тему? — Кира поковырялась вилкой в тарелке и брезгливо отодвинула ее.

— Очень просто. Надо сказать, все как есть, — Майя с видимым удовольствием ела салат, с тревогой поглядывая на подругу. — Ты чего не ешь?

— Не хочется, — тоскливо произнесла Кира и пригубила сок. Яблочный сок оказался кислым и, скривившись, Кира поставила стакан на стол.

— Да, подруга, теперь и я вижу, что ты залетела. Ты об этом еще кому-нибудь говорила?

— Нет, тебе первой. Только, Майка, прошу тебя, не распространяйся. И ничего не говори моей маме. Хорошо?

— Как скажешь, Кирочка, — Майя сделала жест, будто застегивает рот на замок.

— Вот и ладно.

Прозвенел звонок к следующему уроку и девушки торопливо покинули столовую. Все оставшиеся пары Кира сосредоточенно продумывала слова, которые скажет Сергею, когда он придет ее встречать после занятий.

Кира посмотрела на часы. До конца второй пары оставалось пять минут, а она так и не подобрала нужных слов. Кира поймала себя на том, что никогда так не волновалась перед встречей с Сережей. Она не знала, как произнести такие простые слова: «Я беременна, Сережа, и что мы будем делать дальше?» А что делать дальше? Жениться и рожать первого ребенка. А если он не захочет жениться? Что тогда? Рожать и воспитывать ребенка одной? Будет очень трудно. А

родители? Как к этому отнесутся родители? С отцом проблем не будет, она сможет его убедить и уговорить. А вот мама... Мама не поймет. Ее старорежимные взгляды и воспитание не позволят ей согласиться с принятым Кирой решением.

Прозвенел долгожданный звонок и Кира, обуреваемая захлестнувшими ее мыслями, неторопливо вышла из института. Майя, наскоро попрощавшись, побежала на остановку. А Кира остановилась на крыльце, поджидая Сергея. Он не заставил себя долго ждать, и вскоре Кира увидела его на противоположной стороне улицы. Сергей, широко улыбаясь ей, ожидал зеленого огонька светофора. Кира тяжело вздохнула и двинулась любимому навстречу.

— Привет, милая, что ты грустная какая-то сегодня? — поинтересовался Сергей, подошел к девушке, обнял и ласково поцеловал в щеку. — У тебя все в порядке?

— Да, Сережа, не волнуйся. Просто день выдался тяжелый, и я немного устала, — сдержанно ответила Кира. Может сказать прямо сейчас? Но язык не повернулся сходу выдать такую ошеломляющую новость.

— Куда пойдём? В парк?

— Можем и в парке погулять, но не очень долго. Как-то сыро сегодня и холодно, — поеживаясь, промямлила Кира.

— Ну, если тебе холодно, пошли в кафе посидим, там ты быстро согреешься.

— Можем пойти и в кафе, — равнодушно отозвалась Кира.

— Кира, да что с тобой такое сегодня! Не узнаю тебя! Ты не заболела ли? Какая-то ты вялая и бледная, — забеспокоился Сергей, заглядывая Кире в глаза. Но девушка отвела взгляд в сторону и, придав своему голосу немного бодрости, проговорила:

— Да, Сереженька, пойдём в кафе. Мне надо немного отдохнуть.

Сергей, недоуменно посматривая на подругу, взял её под руку и повёл в сторону кафе. Оказавшись в небольшом и уютном зале, они уселись за столиком у окна и заказали кофе со слоеными пирожными.

Кира без особой охоты сделала маленький глоточек кофе и надкусила пирожное. Затем вернула пирожное на место и тоскливо посмотрела в окно. Начинался дождь. Мелкий и противный.

— Нет, Кира, не нравишься ты мне сегодня, — не на шутку встревоженный Сергей, взял девушку за руку. — Посмотри на меня. Что случилось? Давай, рассказывай!

— Да что, Сережа, рассказывать? — Кира повернула к нему бледное, без единой кровинки лицо и тихо с горечью сказала: — Допрыгались мы с тобой, Сережа.

— О чем ты, Кирочка?

— У меня... У нас будет ребенок, Сережа.

— Ты шутишь? — не поверил Мальцев.

— Какие тут могут быть шутки? Этим не шутят, — печально сказала Кира и опустила глаза. В эту минуту она испытала огромное облегчение. Главное сказано! И какое бы решение не принял в эту минуту Сергей, это уже было не важно. Главное он знает и теперь все будет так, как должно быть. Так, как написано в книге ее судьбы.

— Да... — протянул Сергей, крепче сжал ее руку и улыбнулся. — Ты не представляешь, как здорово все складывается!

Кира удивленно вскинула брови и, глядя на широкую улыбку на лице возлюбленного, улыбнулась сама.

— Я не понимаю.

— Кира, да что здесь понимать? Я давно хотел тебе предложение сделать. Ну, еще тогда, — Сергей запнулся и покраснел, — когда мы в первый раз... ну, были вместе, но я подумал, что ты мне откажешь, потому что тебе еще год учиться. А теперь твоя беременность все меняет, и мы можем пожениться хоть завтра!

Сейчас глаза Сергея сверкали радостью. Он возбужденно притянул руку Кира к своим губам и порывисто поцеловал.

— Но завтра мы пожениться не сможем, — сказала Кира. — Надо родителей предупредить, заявление в загс отнести...

Сергей громко рассмеялся:

— Ну конечно! И заявление в загс отнесем, и с родителями поговорим, — возбужденно проговорил Мальцев и в глазах его заиграли озорные огоньки. После короткой паузы, придав лицу серьезности, спросил: — А ты собственно, согласна выйти за меня замуж? А то мы как-то заскакиваем вперед. Я же сначала должен был предложение тебе сделать.

— Сереженька, я, конечно же, согласна, — Кира облегченно улыбнулась, и на ее щеках появился легкий румянец. — Только, как я скажу родителям о том, что ребенок у нас будет?

— Не волнуйся. Я им сам все скажу. Я же мужик, в самом деле, и должен сам решить этот вопрос. Ты только не волнуйся сейчас. Следи за собой и ничего не бери до головы. Договорились?

Девушка благодарно улыбнулась. Какая же она счастливая! И чего боялась? Сережка ее любит, и будет любить вечно. Как и она его. У них будет крепкая и счастливая семья. И детей у них будет, как минимум, трое. Совсем скоро она станет замужней женщиной, и девчонки в группе ей будут завидовать. Она первой в группе выйдет замуж за самого красивого парня на свете. Но только

смущает одно: что скажут родители?

11

Когда на город опустились сумерки, Слава покинул квартиру Скрябиных в растрепанных чувствах. В голове был полный хаос, и привести мысли в стройный порядок он не мог, как ни старался. Ситуация, в которой он оказался, была настолько необычной и странной, что ему потребуется немало времени, чтобы все переварить.

Ковалев двинулся к станции метро, но, постояв в раздумье несколько минут на ступеньках подземного перехода, развернулся и направился к автобусной остановке. Юноша запрыгнул в первый же подошедший автобус и, крепко вцепившись в поручни, поехал в неизвестном направлении. Он не знал куда едет, но в эту минуту его это совершенно не волновало.

На конечной остановке Слава вышел и, глядя себе под ноги, медленно побрел, куда глаза глядят. Лишь только тогда, когда устав от ходьбы, он осмотрелся в поисках скамейки, Слава понял, что его занесло в какой-то спальный район. Детская площадка, окруженная со всех сторон девятиэтажными домами, была полна детей.

Молодые мамы и бабушки зорко следили за своими чадами, чтобы в любую минуту броситься им на помощь. Только вот ему самому помочь никто не может, и никто не спасет от того дерьма, в которое он влип. Влип по самую макушку. И что ему делать теперь, подсказать было некому.

Домой возвращаться нельзя. Это ясно, как божий день. Как только он там появится, мать с отцом накинутся с укорами и упреками, и, чего доброго, потащат к Иркиным родителям прощения просить. А просить прощения ни у кого не хотелось, особенно у Ирки. Страшно подумать, сколько денег было потрачено на свадьбу: на дорогой ресторан, спиртное, музыкантов, подарки. Нет, лучше об этом не думать, а то можно с ума сойти.

Может и в самом деле тетя Лариса права? И жениться без любви, значит сразу перечеркнуть всю свою жизнь жирным крестом? Раз и навсегда. Но он не женился пока. Он просто не поехал в загс и сбежал как последний трус.

Он смалодушничал и не разгреб эту ситуацию, когда еще можно было что-то изменить. Ему нельзя было соглашаться на уговоры матери и подавать заявление в загс. И тогда бы не

завертелась вся эта кутерьма со свадьбой. С подарками, свадебным костюмом, рестораном. Он до последнего тянул и чего-то ждал. А чего? Что Ирка от него откажется сама? Но не так она оказалась и проста, как он думал сначала. Смогла же своего добиться. Слезами, скандалами и обещаниями быть самой лучшей женой на свете. Она постоянно твердила, что любит его больше всего на свете. Ирка очень искусно шантажировала всех своей беременностью. Делать аборт не хотела, убеждая его и всех, что не хочет портить свое драгоценное здоровье. А на самом деле ей абсолютно наплевать на его жизнь, и на то, что он любит Лену и хочет только ее одну. Ирка думала только о себе, и о нем не думала ни капельки.

Интересно, как долго они его ждали в загсе? Ковалев горько улыбнулся и представил себе картину, как нарядная невеста в белом платье бьется в истерику и плачет на груди отца, потому что жених опаздывает. Гости нервно курят на улице и втихаря обзывают его последними словами. Неугомонная Алла, мать Ирки, изрыгая ругательства и проклиная все на свете, мечется от заплаканной Ирки к выходу, в надежде увидеть счастливого жениха.

Слава уже давно сидел на детских качелях и,

наверное, курил уже пятую сигарету подряд. Во рту было горько и хотелось пить. А черная ночь, как бархат, уже окутала все вокруг, и становилось прохладно. Мамаши с детьми уже давно разошлись по своим квартирам и сладко спят, и видят, наверное, сладкие радужные сны.

Так куда же податься? Может к Веньке поехать? Он, наверное, уже дома. Не дурак же, в самом деле, его друг торчать в том бедламе целый день? Лучший друг и свидетель, как нельзя лучше поймет его. Венька с самого начала отговаривал его жениться на Ирке или на Лене. Он уговаривал его вообще не жениться сейчас, подождать годик другой, стать на ноги, денег заработать. И, возможно, друг был прав.

Было уже далеко за полночь, когда Ковалев позвонил в дверь друга и не состоявшегося шафера на своей свадьбе. Дверь долго не открывали, поэтому Слава, разочарованно нажав кнопку звонка в последний раз, начал устало спускаться по лестнице вниз. Дверь все же открылась, и недовольный голос друга прорычал в пустое пространство лестничной клетки:

— Какая скотина шляется по ночам и честным людям спать не дает?

— Это я, Веня, — отозвался обрадованно Ковалев и одним прыжком оказался у двери приятеля. — Я уже подумал, что тебя нет дома.

— Ну, ты и сволочь, Славка, — вдруг весело заржал, мигом сменивший настроение друг, и пропустил горе жениха в квартиру. — Ну, ты и наделал шороху, брат! Будь здоров! Я такой свадьбы еще не видел. Это был бесплатный спектакль.

— Ты один? — с опаской поинтересовался несостоявшийся жених, сбрасывая кроссовки в прихожей.

— Да один, один. Не бойся, проходи.

Веня пошаркал тапками в сторону кухни, Слава двинулся за ним.

— Есть будешь? — поинтересовался друг, открывая холодильник.

— Буду. Выпить есть?

— Сейчас посмотрю, — Венька открыл морозильную камеру и выудил из нее запотевшую

бутылку водки. — Тебе повезло, брат. Скажи спасибо, что я уже сыт и пьян, а то бы от этой водки уже бы давно ничего не осталось. Садись, я сейчас колбасы пожарю. Ее сырой есть нельзя, она уже три дня в холодильнике тоскует. Сколько тебе яиц?

— Чем больше, тем лучше! — воодушевленно высказался Ковалев и вымыл руки прямо над кухонной раковиной. Чистого полотенца на кухне друга не оказалось. Слава встряхнул руками и присел за стол. Потом потянулся к бутылке и принялся откупоривать ее.

По кухне поплыли чудные запахи омлета и жареной колбасы. От этих ароматов у Ковалева засосало в желудке, и он понял насколько сильно проголодался. Молодой человек судорожно сглотнул и, разливая водку в стаканы, любезно поставленные Венькой, поинтересовался:

— А где ты пьянствовал?

— Как где? — удивленно поднял брови друг, выкладывая на тарелки дымящийся омлет. — На свадьбе твоей.

Вениамин опять заржал, весело поглядывая на друга. У Славы вытянулось лицо, и он едва не

подавился куском колбасы, которую с удовольствием только что отправил в рот. Приятель заботливо постучал друга по спине и, опрокинув водку в рот, ухмыльнулся:

— Да, ты не ослышался, брат. Свадьба состоялась, только без тебя.

— Врешь, — только и смог выдавить из себя Слава.

— Если бы. Ты выпей, а я по второй налью, — Веня деловито, с бутылкой в руках подождал, пока Слава выпьет, разлил водку вновь, и, глядя на обескураженного друга, продолжил: — Так вот... Я, как и положено собрался, взял свою машину, как ты просил и приехал к тебе домой. Трои предки отправили кого-то машину украшать. Я спрашиваю, где ты. Мне отвечают, что ты с самого утра куда-то побежал. И тогда еще никто не волновался. Все думали, что ты в парикмахерскую намылился, прическу делать. Время подходит к одиннадцати, а тебя все нет. Мамаша твоя ворчать принялась. Потом мы уже волноваться начали. Отец твой звонил кому-то, потом я всех наших обзвонил. Тебя нет нигде. Костюм висит. А жениха нет. Давай-ка дернем, Славик еще по одной.

Друзья выпили. Ковалев почувствовал, что в желудке стало тепло, но руки начали предательски дрожать. Он наколот вилкой кусок остывшего омлета, но омлет свалился назад в тарелку, и Слава с раздражением бросил вилку на стол.

— Ты закусывай, закусывай, — проговорил Веня и поднялся со стула. Затем, пошатываясь, подошел к холодильнику, заглянул внутрь и достал початую банку с маринованными огурцами. — Можешь руками огурец достать, — разрешил хозяин и первым запустил пальцы в банку. Слава последовал его примеру и, вытащив огурец, с хрустом откусил от него.

— Дальше что?

— А что дальше? Дальше, мне приказали ехать к Ирке и там ожидать дальнейших указаний. Я приехал. Ирка в платье, нарядная такая, счастливая... в загс собирается. Все тебя ждут и сидят, как на иголках. Потом Люда принялась вам звонить и все условились ехать в загс. Думали, что ты опаздываешь и приедешь сразу туда. Ну, мы и поехали. Там тебя ждали. Когда ваше время расписываться подошло, Людка договорилась, что другую пару распишут, пока ты появишься, а в это время кое-кто уже пошел тебя искать. Но не нашли,

слава Богу, а то бы Иркины двоюродные братья тут же бы из тебя отбивную котлету сделали.

Веня сочувственно вздохнул, разлил водку в очередной раз и, подняв стакан, слегка заплетающимся голосом сказал:

— За тебя, брат. — Веня выпил, сложил руки на столе и спросил: — А где ты был?

— В зоопарке, — коротко ответил Славик и поерзал на стуле.

— Где ты был? В зоопарке? — хихикнул Веня.

— Да.

На этот раз Венька смеялся долго, смахивая рукой слезы с глаз.

— Ну, ты даешь? С кем? Один?

— Нет, с Леной.

— Да, дела... но они же ездили к ней.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я был там в это время.

— Но Людка приехала злющая, как собака и сказала, что тебя там нет, и Ленки там нет.

— Но мы там были.

— Прятались, что ли? — мгновенно отреагировал Венька.

Слава кивнул и чуть слышно поинтересовался:

— Что дальше было?

— А дальше, Людка с твоим отцом и родственниками, я их не знаю, приехали назад в загс. Долго они о чем-то совещались, и приняли решение в ресторан ехать. Тебя, дурака, не ждать и ехать в ресторан. Там уже гости к назначенному времени должны были собраться. Ирка упиралась, и ехать не хотела. Но ее уговорили. Мы приехали в ресторан и сели за стол. Свадьбу без жениха справляли. Ирка, правда, фату сбросила и так сидела. Ну, выпили по первой, потом по второй и

покатило, поехало. Потом и танцевали, и песни пели. Люда все ходила между гостей и говорила: «Пейте, ешьте, гости дорогие, не пропадать же добру! За все заплачено!»

— А мои? — почти простонал Слава, пошатываясь и обхватив голову руками.

— Твои родители уехали из ресторана сразу, как только поняли, что тебя там нет, — меланхолично ответил друг. — Наверное, стыдно им было. Ну, а все остальные остались. И я, в том числе.

Слава сидел и не мог выговорить ни слова. Что он сейчас испытывал, он не мог понять. Ему хотелось сейчас лишь одного — лечь и умереть.

Веня дружески потрепал Ковалева по плечу, и устало сказал:

— Не переживай ты так, брат, что было то прошло. Пойдем, я тебе на раскладушке постелю, уже скоро светать будет. Выспимся и решим, что делать дальше.

Слава благодарно посмотрел на друга и подумал о том, что хорошо, что этот проклятый

день закончился, и хорошо, что у него есть такой преданный друг и с ним завтра, нет, уже сегодня, они что-нибудь обязательно придумают. И хорошо, что у него есть Леночка, ради которой он переживает все.

12

Октябрь

Александра Марковна прохаживалась по своему уютному кабинету. От письменного стола до двери и обратно. За годы совместной жизни она хорошо изучила своего мужа. Нетребская знала все его достоинства, недостатки и слабости. Она любила его таким, каким он был. Но сейчас женщина испытывала какую-то смутную тревогу. И это беспокойство касалось именно мужа. Что-то в их отношениях изменилось в последнее время. А что именно, Александра Марковна и пыталась понять.

Как они были счастливы прошедшим летом! Эта поездка в санаторий стала подарком судьбы. Они словно вновь пережили свою молодость. И в постели вытворяли такое, что даже вспомнить стыдно, но приятно. Александра Марковна

почувствовала, как краска разливается по ее лицу. Она подошла к большому зеркалу, висевшему на стене у двери, и посмотрела на свое отражение. Она еще хороша собой. Зрелая женщина, с умным волевым лицом. Правда, на висках обозначилась седина, и следовало бы купить хорошую краску и закрасить это напоминание о том, что молодость давно пришла и старость уже стоит на пороге. Собственно, женщина всегда выглядит так, как себя чувствует. А чувствует она себя намного моложе своего возраста. Надо признать, что жизнь удалась. Не было в ней ничего экстраординарного, неприятного. Многие ей завидуют, потому что таких счастливых женщин, как она можно по пальцам пересчитать. Но все же что-то глохнет и не дает спокойно работать.

Александра Марковна провела рукой по волосам, поправила выбившийся локон и кончиками пальцев легонько похлопала под глазами. Она почти не спала этой ночью, и едва заметные мешки под глазами выдавали ее бессонницу. Потом женщина вернулась к столу и тяжело опустилась на стул. Она бросила короткий взгляд на бумаги, лежащие перед ней, и с отвращением отодвинула их. Нетребская откинулась на спинку стула и повернула лицо к окну.

Читать документы не хотелось. Да и рабочего настроения не было. Да и какая может быть работа, когда вокруг твориться черт знает что. В стране как-то тревожно. Грядут перемены, и внутренний голос подсказывает, что эти перемены не будут радужными и приятными. Хотя за широкой спиной Николаши, она чувствует себя защищенной. И притом, что уже остро ощущается дефицит во всем, ее семья не нуждается. Николаша может достать все что угодно. Его многочисленные связи и магазин-распределитель для избранных, держит ее семью на том же уровне, что и раньше. Все кругом стремительно меняется, переворачивается с ног на голову.

Может подыскать себе другую работу? Работать стало трудно. Очень трудно. Люди какие-то озлобленные, нервные. Тяжело уже справляться со своими обязанностями. Надо посоветоваться с Николашей. И перейти в школу простым преподавателем истории. Она вступила в партию еще на первом курсе института и с удовольствием согласилась стать парторгом группы, потом курса, а затем и института. И как-то само собой разумеющееся по окончании вуза ей предложили работу в райкоме комсомола. Затем в горком. Там, в горкоме, она и познакомилась с

Николашей случайно, в коридоре. И с тех пор они вместе.

Какая же у них была интересная и бурная молодость. Как они любили друг друга! И каким для них было счастьем рождение Киры. Почему она не родила еще одного ребенка? Сейчас трудно сказать. Наверное, больше чем детей, хотелось успешной карьеры. И Коля поддержал ее тогда. И она в итоге стала тем, кто есть сейчас. Парторгом фабрики.

Но вместе с тем ее почему-то мало беспокоит сейчас тревога и напряжение, которые невидимыми волнами разливаются по городу, проникая в каждый дом и в каждую квартиру. Разговоры с друзьями и знакомыми о тяготах жизни и грядущих переменах, страхи других за их будущее и будущее их детей, в сущности, мало ее интересовали. Как бы ни сложились обстоятельства, для нее все останется по-прежнему, потому что у нее есть самое главное в жизни — ее семья, муж и дочь. А все остальное — суета. Конечно, как парторг она должна была бы живо принимать к сердцу происходящее, но всю бурлящую жизнь за стенами ее дома, она почему-то воспринимала равнодушно.

Александра Марковна встряхнулась и сняла

трубку телефона. Потом посидела в раздумье и положила трубку на рычаг. До конца рабочего дня оставалось совсем немного времени, так что вечером она и обсудит с мужем свое желание сменить работу.

Весь остаток рабочего дня Александра Марковна нетерпеливо поглядывала на часы, и когда стрелки золотых часиков, которые муж подарил ей к очередной годовщине свадьбы, наконец, показали ровно шесть, она быстро собрала сумку и, накинув пальто, устремила к проходной. На выходе вежливо попрощалась с вахтером и спустилась в метро. Толчая была невообразимой. Люди с хмурыми лицами сидели и стояли в вагоне, негромко обсуждая свои дела. Александре Марковне не терпелось оказаться на улице и вдохнуть свежего воздуха полной грудью. Она почему-то сильно волновалась, словно ожидала чего-то нехорошего. Но войдя в квартиру, тихую и пустую, немного успокоилась и отправилась в кухню готовить ужин.

Николай Артемович появился дома около восьми вечера и Александра Марковна, услышав, как открывается входная дверь, выбежала навстречу мужу. Он был бледен и неестественная синева вокруг его губ, очень испугала женщину.

Николай Артемович с трудом снял куртку и, зашатавшись, прислонился к стене. Он тяжело дышал, держась за сердце.

— Коля, что с тобой? — обеспокоено спросила Александра Марковна и подскочила к мужу. Затем осторожно поддерживая его, повела на гостиную.

— Сашенька, что-то прихватило меня, — сдавленно проговорил Николай Артемович и прилег на диван.

— Сейчас, Коленька, сейчас я принесу валидол.

Александра Марковна метнулась в спальню и, пошарив рукой в прикроватной тумбочке, нащупала лекарство. Прихватив подушку и шерстяной клетчатый плед, бросилась назад в гостиную. Николай Артемович лежал с закрытыми глазами и неровно дышал. Александра Марковна накрыла мужа пледом и присела рядом ним.

— На-ка вот валидол положи под язык.

— Открой окно, Шурочка, мне воздуха не хватает, — тихо произнес Николай Артемович,

положив таблетку в рот.

Александра Марковна вскочила и настежь распахнула окно. Свежий воздух мощной струей ворвался в гостиную. В комнате сразу стало холодно, и женщина поежилась.

— Я сейчас неотложку...

— Не надо, — перебил ее Николай Артемович. — Сейчас пройдет. Посиди лучше рядом со мной, Шурочка. Мне сейчас легче станет.

Александра Марковна вернулась к мужу, присела, взяла его руку и тревожно посмотрела на вмиг заострившийся нос и посеревшее лицо мужа.

— Коля, давай, все же вызовем неотложку. У тебя сердечный приступ, а с этим не шутят, — с мольбой в голосе заговорила она, нежно поглаживая руку мужа.

— Нет, мне уже лучше, — едва ворочая языком, произнес Николай Артемович, — Неотложка меня заберет в больницу, а мне сейчас никак нельзя туда. На заводе...

— Да к черту твой завод! Никуда он не

денется! Подумай о себе и о нас с Кирой. Что с нами будет, если с тобой, не дай бог, что случится?

— Ничего со мной не случится, — одними губами улыбнулся Николай Артемович. — Я жить буду сто лет.

— Николаша, дай мне слово, что, если тебе станет хуже, ты не будешь сопротивляться и поедешь в больницу. Хорошо?

— Хорошо, Шурочка. Мне уже лучше. Правда. — тихо отозвался Николай Артемович, открыл глаза и пошевелился, пытаюсь приподняться.

— Коля, лежи, — строго приказала Александра Марковна и рукой уперлась в его грудь. — Станет лучше, тогда и поднимешься.

Нетребский откинулся на подушку и посмотрел на жену. Краски постепенно возвращались на его лицо, и он задышал ровнее.

— Только Кире ничего не говори. Не надо девочку волновать.

— Хорошо, не буду, — недовольно

пробурчала Александра Марковна. — Только завтра прямо с самого утра ты поедешь в поликлинику. Я прикажу Володе, чтобы он завез тебя туда. Понятно?

— Понятно, понятно, Шурочка.

Спустя час, когда супруги уже сидели в кухне и ужинали, они услышали голоса в прихожей.

— Кира, наверное, пришла, — констатировал Николай Артемович, вытирая салфеткой рот.

— И не одна, — добавила Александра Марковна и поднялась навстречу дочери.

Кира появилась в кухне первой. Она неестественно улыбалась и переводила быстрый взгляд с матери на отца. За ней неуверенно и немного стесняясь, вошел и Сергей.

— Здравствуйте, — улыбнулся он хозяевам и взял Киру за руку.

— Здравствуйте, Сережа. Что остановились у двери? Проходите и садитесь, — пригласила Александра Марковна. — Мы с отцом ужинаем, составьте нам компанию.